

Александр Олейников

ДОМ
№12

aegitas

Александр Олейников

Дом №12

«Aegitas»

2018

УДК 371.13
ББК 74.27

Олейников А.

Дом №12 / А. Олейников — «Aegitas», 2018

ISBN 978-1-77313-985-2

Данное произведение, насыщенное фантазмом и трагикомической сатирой, повествует о весьма загадочных событиях, случившихся во второй половине девятнадцатого века в Петербурге. Ужасные последствия случаются на улицах этого города, множество людей не столь достойного общества пропадают без вести и наконец обнаруживаются насильно утопленными в Фонтанке. Только один единственный факт, связанный с такими убийствами, остается на глазах у государства и местных жителей. Этим фактом является курильня опия, бывшая некогда респектабельной, но теперь же ставшая запрещенной и находившаяся помимо этого неизвестно где, но в поисках которой, по словам очевидцев, были заинтересованы все теперешние утопленники. Главному герою, выходцу из периферии, молодому авантюристу и плуту, удастся отыскать эту курильню и втянуть себя наконец в междоусобную распрю между двумя таинственными личностями и происходящую в совершенно других реальностях. Тайны потустороннего мира и разгадка зловещих убийств раскрываются перед ним, о чем он тут же излагает читателю в своих записях.

УДК 371.13

ББК 74.27

ISBN 978-1-77313-985-2

© Олейников А., 2018

© Aegitas, 2018

Содержание

Синописис	6
Вступление	7
Глава первая. Плут	8
Глава вторая. Петербург	15
Глава третья. Посиделки	21
Глава четвертая. Курильня	30
Глава пятая. Смарагдовый змей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Олейников

Дом № 12

© Издательство «Aegitas», 2018

Синописис

Данный роман начинается с того, что сам автор обращается предисловием к читателю и предупреждает его о достоверности написанного, затрагивая вкратце все последующие свои переживания. Затем он кратко описывает свою жизнь, как жил в семье крепостных, как наконец встретил своего настоящего родственника и узнал правду своего происхождения. Как плутовство зарождалось в нем с юных лет и как он вскоре обманывает своего родственника относительно брака, после чего, получив капитал, он тайно покидает уездный город и отправляется в Петербург. Там он начинает разгульную жизнь и знакомится со многими повесами, в следствии чего и сам становится таким же. Вскоре у него кончаются средства и на оставшиеся деньги он открывает свое коммерческое дело, начав производство бус, после чего становится капиталистом и приобретает вес в свете. У него появляются коллеги по работе, которые поставляют ему нужные товары для работы, с которыми он также часто проводит время у них в гостях, и которые также рассказывают ему историю о таинственном доме, где ранее находилась самая известная курильня опия, волшебного опия, которого никогда еще не видел свет. Но, так как в связи с посещением той курильни люди начали пропадать безвести и находиться утопленными в реке, народ начал роптать и вскоре эту курильню прикрыли. Но через какое-то время она снова открывается в тайном месте, известном мало кому, и что тут же снова начинают пропадать люди и появляться трупы в реке. Главного героя, авантюриста по натуре, возбуждает эта история и он отправляется на поиски курильни. Нашедши ее, он знакомится с главным ее управителем Тенетниковым и пробует первый раз в своей жизни опий, после курения которого попадает в потусторонний мир, где с ним происходят странные и разные вещи, имеющие некоторые последствия на его реальную жизнь. Он до самого конца не понимал, спит ли он или действительно видит умерших. Он попадает на Олимп к мифическим богам, устраивает битвы в подземных пещерах с расой насекомых, посещает покои древних цариц, например Клеопатры, уничтожает ведьм, посещает девять кругов ада, гробницы древнего Египта, кладбище, становится участником событий Махабхараты. Единственный способ покинуть потусторонний мир, это умереть в нем, испытывая реальную боль и страдания. Но главным образом его беспокоит тайна возникновения утопленников, которая вскоре раскрывается перед ним. Управитель этой курильни сам убивает потребителей опия и сбрасывает трупы в реку, поскольку эти потребители во главе с одним из них, Арсюшкиным, попавши в потусторонний мир, начинают по его словам посещать запретные места этого мира и досаждают ему своими нарушениями. Он наконец сманивает на свою сторону главного героя, после чего тот всякий раз, к своему нежеланию, помогает ему сбрасывать трупы в воду, а также принимать различные меры по борьбе с Арсюшкиным. Арсюшкин же в свой черед также сманивает на свою сторону главного героя, и заставляет его принимать участие во всех мероприятиях, связанных с противостоянием Тенетникову. Главной же теперь задачей для него становится поиск трех особых скрижалей, которые должны привести его и команду Арсюшкина к местопребыванию их предводителя, который только он способен уничтожить Тенетникова, а главный герой же тем временем намерен занять место управителя курильни. Так он метается между ними как между молотом и наковальней, покамест наконец не сделал свой окончательный выбор, что привело его почти в самое печальное положение. Он чуть не погибает настоящей смертью и чудом остается жив.

Вступление

Обстоятельства и весьма таинственные последствия моих злокозненных авантюр вынуждают меня описать их вам в виде подробного изложения, и даже обязывают сделать признание в не столь достойном своём поведении, чем, впрочем, и смогу донести до ваших сердец всю эксцентричность и лютость моих испытаний.

Но прошу вас заметить, что всякое слово и действие, сказанное и исполненное мною лично, могущее разжечь в вас тайную ко мне неприязнь и предвзятость, как например к подлому наговорщику, и даже самая суть, имеющая место быть неосновательной и укорённой несообразностью, которая может быть воспринятой вами как наивную фикцией, скрашенной плутовством, никак не могут быть претензионными, поскольку и самая бытность исходных событий, несмотря на абсурдность, все же является достоверной и подлинной во всех своих составляющих. Хочу также заметить вам, что в наличии имеются явственные факты и сведения, относящиеся к изложению описания странного дома, то есть его посетителей, бытность останков утопленных, разговоры и слухи, беседы с моими партнерами, а также прежнее и нынешнее положения курильни. Вместе с тем я готов присягнуть и поклясться на святом в чистоте своих намерений и поступков, а именно в таких, что я никак не хотел и не хочу скомпрометировать и опорочить тех, кто хотя бы и косвенно упомянут в данной записке, ровно как и свершить по ним коварный навет; я никоим образом не пытался исказить увиденное и услышанное себе на руку, приврать и вместе с тем преступить закон, не смотря уже и на свое общественное положение; наконец, я никак не хотел осквернить память об покойном моем компаньоне, сыгравшего немалую роль в этом таинственном деле, и погибшего также при весьма загадочных обстоятельствах. Семья же его, будучи находящаяся в глубоком трауре, надеюсь, не станет брать в толк мой естественный интерес в донесении такого пассажа всему Петербургу, ибо и по сей день я никак не могу внять смысл всего со мною произошедшего. Был ли я действительно в мире мертвых или же помешался мой рассудок? Мог ли я и впрямь видеть в живых человека, уж успевшего отойти в мир иной?

Таким образом, сделав кое-какие замечания и поставив нужные мне акценты, перейду с этим самым к изложению самой истории, начав, впрочем, с небольшого рассказа об самом себе.

Глава первая. Плут

Родился я в глухом и убогом сельце Слободкино, расположенном неподалеку от города N, Николаевского уезда, Самарской губернии, в одна тысяча восемьсот пятьдесят первом году, но самая же моя сознательная жизнь началась уже только в пятьдесят восьмом. Существование мое не сулило мне никакого дальнейшего благоденствия, поскольку родился я в семье крепостных, и был никем иным как сыном кузнеца Теремьева да его жены коровницы, кои являлись людьми помещика Винокурова, кавалера и отставного полковника кирасирского полка его величества. Нас было пять человек детей и к девяти годам я уже мог явственно ощущать и видеть всю суть моей никчемной жизни и земной должности, то есть мог отчетливо различать наш бедный, ничтожный холопий слой от слоя дворянского, и внимать своим сердцем всю суть печальной своей участи.

Но вдруг, как-то раз к нашему барину, одной глубокой и темною ночью, явился бог знает откуда экипаж весьма странного вида: это был дормез с посеребренными досками, обтянутый кожей и с загрязненными окнами. Всюду были расставлены ящики и коробки, перинка, горшки, валики и лукошки, ружья и чего там только не было. Экипаж остановился (а тогда я вел осла ночью и видел все совершенно) пред крыльцом Винокурова и в тот же миг на него сошел гражданин в какой-то рванине из серого сукна, с картузом в руках, с маленьким саком, большого роста и почтенных лет, то есть походка его и поседевшие волосы, освещаемые свечей в руке сторожа, говорили мне ясно об столь его многолетнем возрасте. Гражданин поспешно вошел внутрь вместе со сторожем и более уже не выходил оттуда до самого следующего дня.

По утру Винокуров послал за мною нарочного, который, придя к нашему дому и увидев меня на улице подле окон, тут же велел мне явиться к барину с целью дознаться от меня некоторых подробностей. Так, с кое-каким волнением в сердце, я побежал к господскому дому, где почти чуть не столкнулся с тем самым приезжим гражданином. Одет он был теперь же в темно-зеленого цвета военный длиннополый сюртук, шитый из шалона, в панталонах и стареньких сапогах. Лицо его было по-военному угрюмо, без каких либо признаков живости, но отдавало весьма познавательной умственностью. При виде меня оно как бы осветилось, то есть на миг в нем будто просквозило счастье, но в другую минуту он поспешил скрыться, а человек, бывший с ним, помог ему взобраться на экипаж, после чего они удалились в сторону города.

Придя к барину я узнал, что Артемий Павлович, то есть сам он, распорядился отдать меня на воспитание гувернеру, что теперь же я будто должен распрощаться со своей семьей и жить в его доме на особом положении; тут же француз Дидье, бывший воспитателем двух сыновей Винокурова, отвел меня в мою комнату и в тот же самый день жизнь моя переменилась окончательно.

Так на пятнадцатом году выучился я русской грамоте, окончил школу и был весьма сносным и толковым подростком в делах хозяйственного правления; я хорошо выражался и по-французски, читал военные повести и был так сказать на хорошем счету у Артемия Павловича. Впрочем, признаюсь, что я с лихвой понабрался от такой жизни удалы и прыти, да и барской спеси, да так, что уж к концу второго года и думать забыл об своей семье. Однако ж всему есть конец, а потому случился он и тут, и вот по какому поводу.

Как-то раз, спустя уж как целых пять лет, вновь явился тот самый гражданин, прибывший ночью, но только на этот раз в рессорной бричке и одетый во фрак хорошего покроя. Прошедшие годы не обогатили его здоровье и силу, но он, однако ж, держал себя на сей раз поживей и проворней. Он оставил своего человека снаружи и отправился вовнутрь дома, где Артемий Павлович встретил его с весьма радушным усердием, и куда через четверть часа велели явиться и мне. Удивленный, я тут же вошел в кабинет и застал двух стариков в разговоре об военных их достижениях.

– Вот, посмотри, посмотри ж какой славный малый из него вырос. – Сказал Артемий Павлович, торжественно указывая на меня и обращаясь к своему собеседнику.

Тут-то мне и внесли ясность всего сказанного, так, что я был потрясен неожиданной новостью до самого своего основания. Оказалось, что предо мною сидел не просто хмурый и чопорный офицер и чуждый сердцу старик, а мой самый родной дядюшка. Немало интересного вытекло из моей с ним беседы и пролило свет на презренное мое рождение. Человека же этого звали Федором Николаевичем и было ему пятьдесят девять лет от роду; сам же он был некогда гвардейским капитаном и довольно часто воевал то с турками в двадцать восьмом на Балканах, то с поляками в тридцатом во время холерных бунтов, а то и вовсе командовал в пятьдесят пятом на Дунайском театре военных действий пехотой; воевал он также супротив коалиции и в Черноморье. Словом он был закоренелым и опытным ветераном, несмотря на всю свою дряхлость. Родной же брат его, то есть мой отец, был намного младше чем сам он, и также воевал на Северном Кавказе, где позднее и сложил свою голову. Надобно заметить, что за исключением меня, практически весь мой род, что я узнал уже потом, состоял из одних военных офицеров и храбрых, задорных вояк, что даже мой собственный прадед, чье существование мне и в мысли не приходило, воевал даже со шведами еще в восемнадцатом веке. Быть офицером и почетным гражданином было написано на роду у всех наших мужей, но, ровно настолько, насколько это было неотъемлемым, настолько же и трагичным в последствии, ибо никому из моих предков, за исключением моего дядюшки, не удавалось умереть своей смертью, и, так как все они почти до одного сложили головы на поле брани, то, осмыслив их горькую, но славную участь, я решительно отказался поступать в полк и нарушил тем самым традицию своего рода.

Относительно же самого Артемия Павловича могу сказать то, что он был старинным знакомым моего дядюшки, который не раз спасал ему жизнь. В следствии же этого он во век был обязан счастьем и взаимною помощью Федору Николаевичу, от чего и теперь, уж спустя столько лет, исполнил всю его просьбу в высшей степени рачительно и идеально, то есть именно ту, что заключалась в моей судьбе и последующей жизни. Объясню же теперь и это.

Когда отец мой, зачав меня, оставил мою матушку и отбыл на службу, то почти через год с небольшим умерла от продолжительной болезни и сама моя матушка, успев оставить меня на попечении у одной из своих близких и верных приятельниц. Приятельница же эта, получив известие об смерти моего батюшки, никак более не могла справиться и решить: что ей нужно было делать дальше. Разумно здесь было то, что она оставила маленького меня на свое воспитание и перебралась позднее в глухую периферию, в город N, где также скоропостижно отправилась на тот свет от тифа. Оставшись на руках у одной из ее крепостных фавориток, я попал каким-то нечаянным случаем под покровительство одного из тамошних помещиков, и уже потом, немного позднее, под видом какого-то расчета перешел во владение помещику Винокурову, кой по стечению судьбы, имел поместье именно в одном из тамошних селений.

Вскоре без какого-либо особого разбирательства я был причислен к семье Теремьева, где суждено было прожить мне до самого десятилетнего возраста, почитая их своими истинными родителями и тяготая также от несладкой жизни, хотя и привыкши к ней.

Ничего этого ни Винокуров, ни мой дядюшка не знали совершенно, тем более что последнему было не весьма надобным доискиваться судьбы семьи своего покойного брата, об которой он также ничего не знал. Впрочем, стоило бы объяснить вам его столь странный вид, в каком и как он прибыл к своему сослуживцу впервые, после ухода в отставку. Дело в том, что дядюшка мой, как и свойственно всех удалым офицерам, страшно кутил и играл всю свою службу, что в конце концов привело его в не весьма надежное состояние. После выхода в отставку у него не осталось ни единой копейки и даже старинные его приятели позабыли об нем как о чуме, и что даже много долгов было прощено ему по мягкости и снисходительности. Крайнее его положение доходило уже до того, что он начал продавать свои последние вещи, некогда им приобретенные, за такой грош, что даже было стыдно.

Но тут вдруг явилось счастье, и вот какое.

Магушка моя, будучи еще живой, но уже при смерти, успела таки отписать кое-какое письмецо одному благодетельному князьку, с целью позаботиться об моем воспитании и передать меня на попечение Федору Николаевичу, если тот окажется еще живым и в здравом рассудке. Письмецо это, по-видимому, было затеряно и так и не попало в руки к моему дядюшке, но удивительно здесь то, что сам он встретил того же самого князя, который тут же осведомился у него об моем здравом расположении. То есть как бы и сам Федор Николаевич был давно уже моим покровителем.

После сих некоторых разъяснений он, конечно же, был изумлен об случившемся и поспешил скорейшим образом разыскать меня или узнать наконец мою судьбу. Однако ж счастье тут было вот в чем: он понял вдруг, что в городе N есть же теперь земля, оставшаяся бесхозной по смерти своего младшего брата и всей его семьи, и что теперь, будучи нуждающимся в средствах, он мог взять себе такой подарок на руку. Вскоре он решительно выехал в город для ее приобретения.

Там он кое-как узнал потом посредством компетентных лиц и об самом моем существовании. То есть он всюду навел справки и дознался даже место моего пребывания, что очень его поразило, и в ту же минуту тем самым поздним вечером мой старенький дядюшка выехал со двора во Слободкино, к своему старинному приятелю. Приехав на ущербном дормезе уж самую ночь, попросил Винокурова самым убедительнейшим образом воспитать меня как собственное чадо и дать мне надлежащее образование для подготовки к военному училищу, поскольку тот еще не успел оправиться от своего нищенства, и, когда он наконец встанет на ноги, то тут же и заберет меня обратно домой, на что последний согласился немедленно и почел это даже за священнейший долг. Он же тем временем отправился продавать имение, после чего разделался и с долгом и с местом жительства. По прошествии пяти лет он уж стоял в городе основательно, имел кое-какой доход и даже хороших и выгодных знакомых. А хотя имение было разорено окончательно и даже не осталось ни единой души, то все же продал хорошие участки земли отдельно, примыкающим к этой земле другим помещикам, очень выгодно, а оставшийся дом заложил в ломбард. И теперь уже, имея твердую почву под ногами и остепенившийся свой старый рассудок, он прибыл вот в таком положении, чтобы наконец забрать меня жить в свой собственный дом.

Все это он поведал мне лично в кабинете у Винокурова, ласково заключил меня в свои объятия и объявил: что я сию же минуту отправляюсь с ним жить в город, что к концу лета я поеду служить в Петербург, что в отношении меня будет составлен должным образом документ об принадлежности к тому или иному сословию и фамилии, и что наконец я являюсь теперь же никем иным как его наследником (у него самого детей не было). Можете ли вы себе представить каковы было мое удивление и радость?

Опуская все вытекающие из того последствия, скажу в двух словах, что в тот же самый день я любя и почтительно распрощался с Артемием Павловичем, что мы с моим дядюшкой очень сдружились, и что жить я стал теперь на Мещанской улице. Жил же я там все лето на широкую ногу и ни в чем себе не отказывал, покамест не пришла пора отправляться на службу. Но так как воинская слава и доблесть не столь увлекали мое тщеславие, то я наотрез отказался от военного училища и службы, а вместо того я решил поехать в Москву, чтобы поступить на юридический курс для получения аттестата, а по-правде говоря, для того чтобы вкусить все прелести и соки тамошней светской жизни. Долго уговаривать мне дядюшку не пришлось и он, смирившись с моим убеждением, выдал мне нужную сумму и положил также высылать мне ежемесячный денежный перевод для поддержания своего состояния и достоинства. Так я с ликованием поехал на курсы.

Выход из убогой и дикой глуши в свет произвел на меня впечатление неизгладимое. Встречи с военными офицерами, позолоченные экипажи, балы и вечеринки, пунш, прекрас-

ные и стройные дамы, салоны, джентельменская учтивость, ушлые игроки, рулетка наконец, – все это внесло несомненную лепту в мою плутовскую натуру. А хотя учился я и не так чтобы уж хорошо, однако ж и не то чтобы плохо, но тем не менее дело свое знал и вел себя исправно и прилежно, особенно по отношению к своим учителям, проявляя свои обаятельные черты и вежливые наклонности. Не отставал же я еще и от других в степени удали и прыти.

Уже к двадцати годам я, вместе со своими приятелями, мог целыми днями разъезжать в нанятой карете, посещать трактиры, клубы и прочие заведения, мог устраивать драки и дуэли на киях, мог проводить вечер с чудною дамочкой, коя в то время была уже для меня ничем иным как атрибутом, идущим как бы в пандан к моему виду, что заметно повышало паблисити.

Надобно заметить, что еще даже после самого курса, уж отучившись, я никак не решался ехать обратно в убогую окраину и вотчину моего детства, поскольку спесь и барство в моем шальном рассудке подавляли во мне желание распрощаться со светом. Я никак и думать не хотел про то, что близость Москвы может стать для такой же дальностью, какой тогда была дальность города N. Поэтому я, используя все свои уловки, хитрость и изощренность, как-то вскользь заявил дядюшке, что вот мол, хочу пожить в Москве и отыскать работу уже здесь, но покамест я еще не имею устойчивого поприща в судебной практике, то прошу покорно высылать переводы мне и далее. Поначалу все шло гладко, но вскоре, как это и предвиделось, дядюшка мой, прознав об таких моих прилежных стараниях, начисто прекратил высылать мне денег, и тут же призвал меня в город, не полагаясь на мое несомненное стремление к юрисдикции.

Делать было нечего. Я отправился в дорогу и, несмотря на мой пылкий возраст и жажду общества, все же решился провести еще несколько лет в нашем городе, и вот почему.

Дело тут в том, что, как я уже и говорил, мой дядюшка нашел в городе себе весьма полезных и нужных знакомых, одним из которых был Сергей Антонович Поварихин, управитель главной городской столовой на Мясницком проспекте, которому нужно уделить также несколько времени и строк в моей повести. Прежде всего скажу, что человека этого никак нельзя назвать рассудительным и честным, а всем своим видом он походил на огромного и щекастого борова, нежели на человека. Все его повадки и манеры были пронизаны до самых основ спесью, капризами и избалованной прихотью, но даже и среди таких ущербных качествах я явственно мог отличить надменную и властную жилу его характера. Был же он лыс, но носил мощные усы с закруткой, а вся его голова, и тем более затылок, щеки и лоб, напоминали любому встречному огромный и медный чан. В жидких же и маленьких глазенках его читалась истинная подлость и скупость, а его подозрительный прищур давно уж прослыл как бы самим пронизательным оком. Нельзя же его было еще и отличить худобой кости от такой же тучной и всем умом туговатой дочери его, кою звали Маруськой, но называли Марышкой (а потому не стану отклоняться от одного обычая и я). Об этом персонаже мы поговорим отдельно ниже, а покамест следует объяснить следующее.

Родной дядюшка мой, посчитавши, и, по-видимому, рассудивши по себе, что влияние большого города и света может сказаться на мне чересчур отрицательно, решил устроить мои дела здесь таким образом, чтобы на моем успехе могло как-нибудь сказаться покровительство или протекция одного из губернских капиталистов, каким например являлся и самый Поварихин. А поскольку тот находился с ним в отношении фамильярном, то тут же и решил предпринять такую попытку. То есть он решил что быть под крылом Поварихина намного лучше чем повесничать в Петербурге, куда уж давно взирало мое сердце, и с тем самым они вдвоем порешили посватать меня с этой самой Марышкой, дабы мое счастье в устойчивом и доходном месте, в качестве не последнего лица в городской столовой, было совмещено с успешным браком и благим продолжением рода. Что даже будь я хотя бы порасторопнее в коммерческом деле, каким я бывал в картах и по делам волокитства, то смог бы несомненно достичь еще намного большего успеха, чем его смог достичь сам Сергей Антонович.

А достичь то он смог его вот как. Давно, еще когда он и сам был находчив и молод, будучи еще гимназистом, устроился он на работу в эту же самую столовую вместе со своими приятелями по классам. И вот как-то раз все они занимались своею работою, как вдруг один из них, то есть тот, что был позадорней, изъял из сумы одного из поваров горсть гусарского табаку, после чего, обольстив ею всех своих друзей, предложил им выкурить его через трубку. Поварихин же однако ж курить не отказался, но все же предпочел донести об том главному управителю лично, питая в том выгоду и наивное подхалимство. Управитель тут же приказал всех курильщиков вон, а Поварихина заметил и приобщил к делам более ответственным и серьезным. Так например последний сделался вдруг человеком нужным и ловким в обращении с пищей и счетом круп, работал там как за троих, всюду был полезен и дельный, своевременный, весьма бойкий и расторопный. Словом он везде и к каждому умел найти особый подход и проявить себя самым рачительным образом.

Такое его прилежание никак не могло остаться незамеченным со стороны управителя столовой, и, спустя уж несколько лет, он добился еще одного повышения и приспособился к совершенному познанию своего дела. В этих фискальных, подхалимских и рачительных его движениях легко можно было увидеть карьеризм и формализм, ибо уже потом, спустя много усердных лет, он добился даже руки тщедушной дочери того самого управителя(который, впрочем, являлся еще и владельцем самой этой столовой), после чего тут же вошел в наследники над всем его имением и через еще каких-то пять или шесть лет уже сам стал полноправным владельцем этого частного заведения. Вот каков был мой вероятный свекор, и что еще удивительно, так это тот самый его формализм, который доходил иной раз до таких вершин, что было даже гадко и пошло. Впрочем, ко времени становления его главенства в столовой не поменялось практически ничего, разве что только весь персонал был выдрессирован под муштру.

И вот именно с таким-то человеком и решился сроднить меня мой собственный дядюшка. Много было уговоров, угроз, обещаний, просьб и просто молений на протяжении нескольких лет моего тамошнего развития, и все же он смог таки затащить меня к нему на обед и познакомить как и с ним самим, так и с его ненасытной дочерью.

В продолжении почти всего ужина она не сводила от меня глаз, и, как я узнал потом достоверно от нее же самой, была просто потрясена моей приятной наружностью. По правде говоря, мне и самому уже очень часто доводилось слышать от многих людей их лестные отзывы относительно моей внешности. Сам же я хоть и не считаю себя настоящим красавцем, то все ж никак не мог отрицать изящество моей тонкой и стройной талии, складность широких плеч, и соразмерно небольшие руки и ноги при высоком росте. Помимо же этого, многие из моих бывших дам сильно отзывались об гладкости кожи на лице, голубых глазах, греческом носе и умении носить бабочку с фракком.

Но вернемся к настоящим событиям. Итак, Марышка влюбилась в меня еще в тот же самый вечер, и, после того как этот вечер окончился, мой дядюшка не замедлил позвать меня к себе в кабинет и произнести вот такую речь:

– Друг ты мой, как собственного сына я полюбил тебя и всю нашу совместную жизнь стремился дать тебе всех благ и вывести на путь благоденствия и праведной жизни. Что, скажи мне, что может быть хуже того, что человек, опираясь на земное свое происхождение и живя в добротном достатке, стремясь возвести свой род и потомство, наконец презирает Божий дар и сам, сам вгоняет себя в пучину мрака и бессилия? От чего же ты не хочешь смириться со своей непорочною частью, со своим наконец призванием? Ведь имея и кров, и твердую почву, ты теперь же есть и сам творец своего счастья и, несмотря на все это, решаешься оставить чудное поприще и жить повесою и растяпой, мотая и повесничая как подлый плут, не считаясь со своей древней дворянскою кровью. Я очень стыжусь что ты даже подумать решился об том, но каков же будет мой стыд, когда ты свершишь надуманное. Бога буду молить чтобы ты

одумался и завтра же явился к Сергею Антоновичу для откровеннейшей и нежной беседы с этим человеком; на Матерь Божью буду я уповать, чтобы она дала тебе благоразумия и сил посвататься к его дочери, дабы перед смертью я обрел покой и великое счастье.

А надо признаться, что я никак не мог ожидать от моего дядюшки такой откровенной беседы, которая, впрочем, очень раздосадовала меня. И в самом деле, он уже давно был немощен и стар и собирался в скорейшем времени почить на своем одре. Я же тем временем собирался спустить все его имение и перебраться в Петербург, в столицу России и центр мира, который уже давно и сладко манил меня в свои объятия.

Однако ж, и самый Поварихин не замедлил послать за мною нарочного еще даже в самое утро, дабы переговорить со мною на счет сватовства, но вопреки всем моим ожиданиям и увещаниям моего дядюшки в том, что это будет откровеннейшая и нежная беседа, случилась беседа иного характера. Он был чопорен и хмур в то самое утро и, лишь только я появился в дверях, начал дерзко и властно:

– Ну вот послушай, Вандрейч, (так он называл меня; зовут же меня полностью Иван Андреевич Семечкин), глупая и твердолобая голова твоя непробиваемая может изъять хоть каплю, хоть самую малую часть, хоть бы крупицу пользы из того, что я тебе предлагаю? Все прелести и выгоду того, что сам Бог преподносит тебе? Ужели настало время, когда наш юный брат сам спешит себе же слыть коварным врагом? Ну вот что, братец, чураться ли ты меня или дочери моей, а только знай, что я пошел на это не затем, что я сам хочу, а лишь потому, что того хотел многочтимый мною Федор Николаевич, или ты думал что мимо тебя негде сыскать других женишков моей дочери красавице? Что ж, иди ка ты теперь подумай об том, да явись же ко мне завтра, но знай, что твой отказ лишь оскорбит меня неслыханным образом, а я тебе не осел, чтобы такое вот оскорбление стерпеть и не принять мер. Заклинаю тебя Святым Причастием, чтобы ты одумался.

И вот, под покровом Святого Причастия, вышел я в ту же минуту и несколько пал духом, придя домой и закрывшись у себя. Честно признаться, я не знал что можно было мне предпринять в таком случае и приуныл, видя неизбежность женитьбы. Даже и самый Петербург со всеми своими балами и дамочками стал для меня каким-то абстрактным и призрачным; недосыгаемым. На следующее утро уныние и досада мои дошли до крайности, как вдруг я узнал, что дядюшка мой захворал и слег в постель, и что теперь же, видя свою скорую смерть, он объявил, что если еще при его жизни я повенчаюсь с дочерью Поварихина, то тут же смогу получить восемь тысяч рублей по наследству.

Такой поворот событий намного меня ободрил, я бы даже сказал, что он оживил меня, и, не раздумывая более ни одной минуты, я поспешил придать такой верной оказии правильное направление. Я немедленно явился к Поварихину и сказал ему самым трогательным тоном, что дескать образумился и надумал принять такое свое счастье и жениться на его дочери, но что мол не имею никакого недостатка и хотел бы устроить свое дело сам, что хочу наперед знать щедрую руку свекра и его ласковое напутствие.

Сей приступ понравился толстому борову и он тут же выдал мне две тысячи ассигнаций, после чего, одевшись по-царски, отправил гонцов во все края города для устройства и проведения свадьбы. Помолвка же была назначена на следующий день, а для того чтобы придать всему этому правдоподобный образ, я в тот же самый вечер собрал все свои вещи и переехал жить к Поварихину, в соседнюю от его дочери комнату. В тот же день я сделал еще множество комиссий, особо для меня важных, и устроил дядюшке лестную и чувственную беседу, после которой он уже теперь дал мне восемь тысяч, но объявил, что все его имение и наследство перейдет по завещанию к дочери Поварихина, и что я смогу овладеть им лишь женившись на ней. Сей предусмотренный его выбор несколько меня огорчил, но десять тыщенок, которые были у меня уже под рукой, не заставляли так долго томиться с таким огорчением.

Вскоре и самое дело насчет свадьбы было устроено совершенно, так, что нужно было лишь дождаться следующего дня, а вечером, то есть в канун свадьбы, прежде чем я отправился к себе, имел место быть еще долгий и в самом деле ласковый разговор с моим вероятным свекром, в ходе которого он излил мне множество обещаний и наставлений об правилах семейной жизни, и даже упомянул как-то вскольз о приданном, которое могло быть только увиденным во все.

Все это было конечно очень заманчиво, но дело свое я знал верно и не стал искушать Бога. Уже ночью я удалился в свою комнату, и, когда убедился, что все в доме спят, тихо вышел оттуда и направился в комнату ко своей невесте для проведения нашего с ней разговора. То есть я как бы не оболещен просто самою свадьбой, но, имея порыв любви и нежного сочувствия, питаю дескать большое уважение ко своей будущей жене, что мол пред самим Богом и под его покровительством, как и полагается всякой чете, следует доверять друг другу и не стыдиться законных дел своих. И что, имея она хоть какое-нибудь понимание, могла бы проявить его в знак доверия уже и на самом первом шагу нашей совместной жизни.

Окончив все это дело, я вернулся обратно, но не для сна, а для того чтобы, одевшись все свое новое и чистое, взять свою дорожную кладь и тихонько выбраться в окно на задворки, где уже меня стоял и ждал экипаж с кучером до ближайшей станции, и где также был мой конфидент, которому я вручил некоторую сумму для погребения дядюшки и поручил две-три комиссии, от которого я также получил некоторые документы, и с которым в итоге я крепко накрепко распрощался. Той же ночью я прибыл в Саратов, а затем отправился в Петербург.

Глава вторая. Петербург

Итак, вскоре я оказался в Петербурге, в кой же час и был поражен его величием до самого основания своего рассудка. Свет, тот божественный свет, царивший в столице российской аристократии, произвел на меня такой непомерный эффект, что я, уж по самому приезду, как был, так и замер на Невском в превеликом восторге.

Трудно и, к тому же излишне, будет описывать мне все его превосходство, а также все мои чувства, кои я питал первое время пребывания в Петербурге, а потому скажу лишь несколько нужных сведений об моем благоустройстве.

В первый же день мне удалось отыскать контору и еще кое-какие места для приобретения квартиры и некоторых важных документов, кои я оформил на себя весьма быстро и нехлопотливо. Квартира у меня была благоустроена в высшей степени, имела три комнаты, балкон и внутренний двор перед подъездом, а находилась она на Литейной. Окна у нее убежали в пол на французский манер, перинки до потолков, мебель вся блестела как позолоченная, столики с батистом, стулья с гнутыми ножками и подушками, ковры из Персии, одним словом – Эмпирей. Проживание в первое время не доставляло мне никаких тяжб, тем более что денег у меня было предостаточно, но, все же, тыщенок пять я отложил в банк для их сохранности и надежности. Затем я нанял себе щеголеватого лихача с крытой коляской, которого звали Фролом, и кухарку в дом, чухонку по имени Лотта, которая занималась в доме еще и другими делами.

Весь следующий день я посвятил таким местам, которые считались разве что самим фундаментом моей репутации. То были: парфюмерные, модные лавчонки, салоны, ванны, рулетки, рестораны, магазины с французской утварью и одеждою, картежные и просто пивные на русскую ногу. После нескольких таких дней покупок моя кожа просто превратилась в шелк, а самая квартира преобразилась в образ настоящего царственного чертога Филота македонянина.

Говоря короче, скажу, что в продолжении нескольких месяцев я сумел сделать множество удачных визитов и знакомств, впрочем, более с такими же сорванцами как и сам я. Таких людей можно отыскать где хочешь: всякий из нас знает, что, лишь только покажи человеку одну единственную копейку, хоть одному, и не то чтобы кривившему, а хотя бы даже полукривившему душою, хоть чуть-чуть, хотя бы он был самую малость подлец, то уже ничто не оставит это и других таких же подлецов. Всякий из них захочет выехать в рай на чужой спине; одни не станут даже спрашивать, а другие даже и почтут за ваш собственный долг. А потому, хоть я и обрел множество знакомых и полезных хоть в чем-либо людей, то все же это была такая шушара, что даже и говорить будет пошло.

Но вот зато один из них, действительно настоящий плут и кутила, да просто бестия, один то из них и сыграл мне на руку весьма удачно и, так сказать, даже стал в некотором роде моим благодетелем.

Звали же этого человека Рунин Павел Васильевич, и был он, так выразиться, на хорошем счету у всего светского общества. Познакомился я с ним в рулетке на Сенатской улице у Толкачева, да при таких обстоятельствах, что должен был по-людски выручить его и одолжить ему несколько белых бумажек для решающей ставки, из-за которой зависела его дальнейшая участь. Ставку он выиграл, после чего вернул мне деньги в десять крат и поднял с выигрыша пятнадцать тысяч. Разумеется, что я не мог более оставаться для него всего лишь простым человеком.

Расскажу и об нем.

Это был средних лет офицер, ушедший в отставку после семилетней службы в гвардии при одном князе, за ненадобностью самой службы. Выглядел он очень галантно, как и присуще всем поручикам нашего времени. Носил щегольские фраки с булавками для галстука и фал-

дами, иногда цилиндр а ля Боливар, но больше всего делал акцент на яркие жилетки из атласа. А когда он надевал камзол, то к наряду прилагались также белые широкие штаны и высокие ботфорты по-военному. К дамам же он обращался с непомерною учтивостью и вежливостью, всегда находил подход к каждой из них и встречал в них взаимность без малейшей сложности. Настоящий повеса и кутила, он никогда не мог отказать своему приятелю хоть в какой-либо эксцентрической аванюре, будь она связана хоть с каким-либо рискованным предприятием. На всех балах в Петербурге он был одним из главнейших званых гостей, и приобретал в глазах титулоносцев непомерное почтение. Ни в чем не отказывал, ни в малейшей просьбе, будь вы с ним на хорошем знакомстве, и иногда, когда никак не можешь ожидать его появления, он вдруг вваливался к вам в комнату с горячею дамой в платье с кружевом, с пьяными приятелями и начинал тут же зазывать вас то в кабак, то на вистигу, то в фараон, то в салон, то в кабачишку. Словом, это был настоящий удалой молодец, прожигающий жизнь насквозь.

С таким человеком мое появления в Петербурге сделалось заметнее и, пользуясь такими верными оказиями, я никогда не упускал шанс проявить себя в любом светском обществе, и был от такой жизни в абсолютной экзальтации.

Я стал кутить и тратить, и угощать важных особ; на балах я исправно танцевал полонез и кадрили, не упускал там ни одной дамы и почти всегда такой славный вечер оканчивался незабываемым событием. Дамочки шептались, глядя на меня, офицеры зазывали меня поставить карточку, а в другом месте господа чиновники приглашали сыграть в банк.

Вскоре я обзавелся такой прекрасною дамочкой, по имени Настасья Воленская, графскою дочерью и моей ровесницей, так, что я сам от себя был в восторге. Эта самая Настасья восходила кровью до какого-то старинного французского августейшего графа, но, конечно же, не имела никаких действительных связей с тамошним сословием. Однако ж против того имела весьма хорошую репутацию в городе и всюду была звана и любима. Имея интимное сношение с ней, я также был всюду приятен и нужным. Сама же Настасья чувствовала себя у меня в квартире и вообще в моем обществе как рыба в воде; то есть она как бы была для меня священной нимфой, сидящей на пафосском пляже. Я во всем способствовал ее прихотям и не знал отказа ни в чем для своей любовницы.

Все эти моменты я описал вам для того, чтобы вы лучше понимали степень и значимость моего плутовства, моей жизни и все те нюансы, которые позднее дадут вам возможность понять мои переживания еще лучше и обстоятельней. Именно для этого я и решился описать вам вкратце все свои тогдашние передвижения. Но все это, разумеется, было бы неосуществимо, если бы не случилось одно обстоятельство, которое привело меня на такую хорошую ступень признания в обществе. А обстоятельство тут было вот какое.

Дело в том, что пик своего успеха я смог достичь лишь по прошествии около двух лет, тогда как все это прежнее время был озадачен весьма важным и серьезным другим делом-поиском финансов.

Вам уже, надо полагать, давно стало ясно, что такое мотовство весьма потрепало мои финансы и что, честно говоря, уже через какие-то три-четыре месяца, у меня осталось всего-то пару тыщенок, так, что это не замедлило заставить подумать меня об уверенном и прочном моем благоустройстве. Мне нужно было предпринять определенную затею, открыть дело или же предприятие, но первые несколько поползновений в этом деле не увенчались успехом, что повергло меня в уныние.

Наконец я начал подумывать об бусах, об самодельных бусах нехитрого устройства, собранные как бы кустарно, но изящно. То есть я просто неоднократно уже замечал такую привычку у людей, кои не могут деть свои нервы и шаловливые пальцы, кому очень нужно и хочется деть их куда-нибудь и повертеть что-либо, ибо в любом обществе и месте это очень успокаивает человека и дает ему направить свои мысли и энергию, свое умственную силу в правильном направлении.

Я решил собирать бусы на монашеский манер и увенчать соединяющую две стороны грань какой-либо кисточкой или кожаной материей, ибо такими бусами можно во-первых размашисто крутить на пальцах, затем их можно перекручивать в руке и забавляться фееричными кручениями, и потом уже их можно просто перебирать в пальцах, как бы расслабляясь и настраивая свое внутреннее умонастроение.

Эти самые бусы отлично подойдут к любому человеку и тем более будут являться неплохим и изящным атрибутом как в руках господ, так и у светских дам. Но прежде чем я начал производить их масштабно, мне потребовалось заказать индивидуально у резчиков по дереву и плавильщиков несколько таких шариков с отверстиями, затем сшить нить с упомянутой кисточкой, и потом уже, лишь только я сделал одни такие бусы, то тут же убедился в здравости своего предприятия.

Тяжело и весьма хлопотно было для меня устройство сей данной затеи, но постараюсь в точности описать и это, дабы вы лучше поняли мое окончательное положение.

Итак, прежде всего мне нужно было нанять мастеровых, чем я и занялся. Я пошел на заводы и отыскал там несколько человек, нужных мне для необходимых целей, оговорил с ними все подробные нюансы заработка и трудоустройства, узнал от них все тонкости дела и наименование инструментария, узнал также самый точный процесс изготовления, вероятный расход и требующийся материал. Показал я им также и свои образцовые бусы, дабы те изначально прояснили всю суть самого производства.

После всего этого дела я был очень вдохновлен и жизнерадостен, однако радоваться было еще рано. Нужно было найти помещение для работы и приобрести также станки для нарезки и печи для плавки. Нужно было также узнать у кого покупать материал и кто бы смог поставлять мне все необходимое сырье регулярно. Также еще необходимо было нанять подешевле такой персонал, который выполнял бы всю черную и физическую работу, но еще главная сложность заключалась в создании самой технологии и как бы рецепта.

На протяжении еще нескольких месяцев я был погружен лишь только в данное дело и никак не мог позволить себя отвлечь свое же внимание хотя бы даже на любезную Настасью. Прежде всего я отправился искать помещение и в тот же самый день снял большой и удобный флигель на Конногвардейском бульваре. Флигель был огорожен забором и имел внутри все нужное для работы, то есть самый цех комнаты для рабочего персонала и для прочих потребностей. За станки и оставшееся оборудование я отдал чуть ли не половину из того, что у меня осталось, но зато все было в высшей степени надежно и профессионально. Наконец я отправился на поиски чернорабочих, и сделать это было не трудно: я просто набрал в карманы мелочи и отправился на финский вокзал, где обнаружил много нищих и бездомных. Из них всех я отобрал самых молодых, бойких и проворных, то есть самых смысленных и сдельных в любом предприятии.

Всех их я пригласил к себе на постоянную работу и заманил бесплатным питанием, жильем и даже рюмкой водки в сутки. Всем им я выдал одежду и белье, одиноличную кровать (а все они у меня были двух-ярусными), положил на каждого даже маленький грош в также в сутки и отдал им даже несколько гитар и гармонь для приятного препровождения времени, то есть в нерабочее время.

Всего же таких у меня набралась дюжина человек и все они в дальнейшем полюбили меня истово и выполняли свою работу в высшей степени рачительно и усердно. Каждый из них в последствии был закреплен за тем или иным делом, был привязан к одному или другому станку и выполнял сразу несколько поручений. Один например просто подметал то стружки, то еще какие-либо опилки, подбирал ниточки и тому подобное; другой допустим усиливал нить, обрезал ее, крутил и владел как бы так сказать швейными навыками; третий напротив того таскал все вещи и ящики с сырьем, помогал обрабатывать метал и кости, разгружал что-либо или же справлялся об поставке сырья.

Словом, все было устроено так, как мне было нужно, но касаясь всех этих чернорабочих дело было сделано чуть ли не в самую последнюю очередь, а покамест мы создавали технологию резьбы, отливки, шитья, сборки и покраски. Также на первых шагах моего предприятия я, по научению опытных людей, обзавелся знакомством с кое-какими поставщиками сырья, которые поставляли мне и камень и металл, а к тому же кости и дерево. Также я скупал сырье у многих других купцов и лавочников, дабы производство шло налаженным образом.

Целый месяц нам потребовалось для того, чтобы только сделать несколько шаблонных образцов для создания бус и способы плетения нитей и самих бусинок. Много времени ушло также на приготовление формочек, на изготовление подходящего состава краски, и также на технологию окрашивания и покрытия лаком.

И вот, спустя весьма длительное время в разработках и изготовлении технологий, у нас наконец наладилось и само производство. К концу первых удачных попыток у нас уже имелись бусы из разного материала, разной формы, разных цветов и также отличительного строения. Все они также имели и разные свойства, как то: металлические были тяжелы, увесисты, холодны и звонко бренчали; бусы из кости были легки и изящны, а их прелестные щелчки доставляли приятное удовольствие слуху; деревянные же(по запросу) могли быть не покрашены, и были весьма приятны на ощупь и на запах; и наконец бусы из камня(потом мы стали делать и такие) были просто очень красивы и вовсе не требовали покраски.

Помимо этого мы делали весьма красивые и изящные кисти на бусы из кожи, из шелка и в последствии использовали даже такие ткани как батист или атлас. Все это было сделано и устроено так, что все мои нанятые работники(а надо признаться, всех их я трудоустроил к себе законным образом и даже сделал для них специальные документы) были довольны и, привыкши к такой интересной и не особо хлопотливой работе, производили настоящие шедевры в своих стараниях. Но следует объяснить вам вот еще что.

Более всего важным в этом деле было для меня конечно же распространить по всему городу мои бусы, то есть просто породить в жителях Петербурга потребность в моих изделиях и тем самым повысить их актуальность.

Я положил, что самые простейшие и примитивные бусы будут обходиться в пять рублей, но другие же, более изощренные и продуманные, будут стоить от десяти до двадцати пяти рублей. Быть может для некоторых людей это весьма большие деньги, а для других, напротив того, ничтожные, а потому, учитывая массовое их изготовление, я, пожалуй, могу найти в сей верной позиции золотую середину. Но все же мне было весьма трудным и не выгодным распространять эти изделия через купеческие лавочки или же путем своей собственной уличной продажи и агитации, поскольку здесь все еще попросту не было такого случая, который мог бы дать закуску всему этому делу, то есть как бы брожение для самой торговли и актуальности.

Я начал думать, думал, думал, и вскоре пришел в своем мозгу к такой потрясающей идеи распространения этих бус, что они в конце концов потрясли весь светский слой до самого основания.

Случилось это вот как.

Я просто взял одни свои такие изящные бусы и пришел на вечеринку к весьма знатной и влиятельной в Петербурге госпоже Лаппи, куда было приглашено на танцы, карты и пуш много господ, чиновников и офицеров (будет излишним, если я упомяну, что пришел с Руниным). Там, находясь подле ломберного стола, где происходила сильная игра, я как бы невзначай пристроился под самую правую руку одного майора Бажорина, который, кстати говоря, был весьма серьезен и заметно нервничал, переживая за вероятный проигрыш своего приятеля капитана Савицина. То есть он натурально постоянно сжимал в своей руке опустевший от вина бокал. Понимаете, к чему я клоню вновь? Тут же напротив меня стоял Маркизов(тоже повеса, но только делал вид что просто степенный игрок), у которого в руках была какая-то булавка, которую он также то сжимал, то разжимал вновь, как бы не зная чем занять свои руки.

Общество было навеселе, и уже давно начался тур кадрили, как вдруг я изъясил из своего сюртука металлические бусы и начал ловко ими перевертывать между пальцами и пощелкивать, так, что это произвело потрясающий эффект. Вдруг Маркизов, обернувшись ко мне, спросил с недоумением на своем лице:

– Позвольте, а это что?

– Это мои бусы. – Отвечал ему я. – Разве у вас нет? Да ведь сейчас же этот атрибут на пике самой парижской моды.

– Нет-с, позвольте, никогда не замечал. Однако ж какой необычный манер этих..... четок? Будто прям из монастыря?

– Да нет же, – ухмыльнулся я. – Это натурально мои бусы, то есть их изготавливают на моей фабрике на Конногвардейском бульваре. Да вот же попробуйте.

Тут я дал ему подержать их в обе руки и он с удовольствием и нелепо начал перевертывать их в своих тоненьких пальцах.

– Ах, какой эффект, как успокаивает; в самый раз когда нечем занять свои руки. Только вот следовало бы не столь тяжелые, может из кости?

– Делают и из кости. – Отвечал я ему с удовольствием. – Всякие делают мои мастера.

– Между тем, какова же цена? – Спросил кто-то, кого я не знаю, но кто уже также держал их в своих руках.

– Да смешная цена, за эти пятнадцать рублей.

– Ах, как дивно, и в самом деле, напрасно я не догадался сделать себе такие, и, казалось бы, вещица то не мудро устроена. Как же их приятно крутить и перебирать, вот посмотрите господу, посмотрите все сюда.

Тут начали подходить люди и все обсыпали меня многими вопросами: «А как пройти короче на вашу фабрику, господин Иван Андреевич?», «А есть ли бусы из камня, господин Иван Андреевич?», «А можно ли поменять цвет, многотимый мною Иван Андреевич?», «А можно ли сделать другую форму, милостивый государь мой, Иван Андреевич?», «Не-ет, я не согласен с вами, Марк Карлович, из метала будет в самый раз», «Позвольте, позвольте, батюшка Станислав Федорович, мы-с люди учтивые, галантные, из метала будет грубо-с, это вам вот военным может будет в самую пору, а мне бы вот сделать из кости-с», «Нет, из кости не прочно, а зато как звенят, ровно шпоры, цок-цок, цок-цок, ведь правда, достопочтеннейший Иван Андреевич?».

В эту самую минуту по нашему оговору в комнату вошел Рунин, держа в руках пять разных бус на всякий манер.

– Да как же вы не знали про бусы Ивана Андреевича? – Заговорил он, казалось, не войдя еще даже в самое помещение. – Да где же вы были, разве ваш слух перестал быть вашим поданным, а зрение ваше разъел червь неведения и невежества?

Все что ни было в комнате в миг и разом обступило его и начался просто совершенный азарт; всем вдруг очень захотелось иметь эти бусы и сделать одни такие в пандан под свое что-либо. Весть эта как мощная буря пронеслась по всему городу и объяла каждого хоть сколько-нибудь светского или военного человека с ног до головы, после чего все они принялись брать штурмом мой нанятый флигель.

В городе поднялся абсолютный ажиотаж, а заказов поступало столько, что мне с каждым днем приходилось выписывать себе все новый и новый инструментарий, мастеровых и просто нищих, со своими гитарами, папиросами и рюмкой водкой в сутки. Каждый из приходящего покупателя заказывал под по себя и подбирал размер, цвет, материал, ткань кисти и форму бус; один например заказывал такие, где шарик чередуется с квадратиком, дабы получать от них совершенное успокоение; другой просил просто из кости, но в основание для кисти он брал мощный металлический ромб. В городе даже устроилась некий постулат приобретения таких бус. То есть военные например всегда брали из металла, ибо предпочитали бусы в некотором

роде весомые, а помещики для того только, чтобы можно ими было бить по лбам приказчиков-повес; чиновники брали из кости, студенты просили из дерева, ибо подешевле, а дамочки всегда брали из камня и добавляли при том на самое основание кисти какой-нибудь элемент из драгоценного камушка или жемчуга. Кто-то частенько просил комбинированные бусы, а некоторые даже из стекла.

По всему Петербургу теперь постоянно слышались вот такие фразы: «Ах что вы, Бонесса, желтый цвет теперь же не в моде, это никак не ориентируется с сегодняшней Францией», «Позвольте господа, у вас что, нет бус? Эге-гей, да вы просто пошлы», «Не слышали ли вы, господин Павел Александрович, какого числа выйдет новая осенняя коллекция под аглицкое сукно?», «Нет, сударыня, Арина Панфиловна, никак не слышал, а зато метал теперь выливают и звездочкою», «А Слышали ли вы об новых двух умельцах у Ивана Андреевича? Говорят, что он сам еще даже ни разу не видел таких кудесников».

Многие очень сильно и лестно отзывались об моей личности. Количество заказов выросло настолько, что мне просто пришлось набить цену на все модели, в следствии чего спрос вырос еще более, ибо человеку всегда психологически кажется так, что, чем более цена, тем благороднее и добротнее само происхождение заказа. К концу всех этих двух лет что я прожил в Петербурге у меня уже было множество флигелей и бесчисленное множество мастеровых и нищих, со своими двух-ярусными кроватями, картами и пару грошами в сутки. Появились даже целые специальности на моей фабрике и даже особое обучение с теорией и практикой. Деньги в мои карманы лились нескончаемо; Настасья жила теперь в Эдеме, а я держал ее на руках и называл маркизою, целовал ее, а она смеялась. Вот таким образом я устроил все свое дело, но следует познакомить вас с одними моими партнерами по работе, которые оптом поставляли мне все необходимое для производства.

Читатель, надеюсь, извинит меня за мое продолжительное отступление от главной темы, но прошу вас потерпеть еще всего две небольшие главы из моей записки, поскольку мое знакомство с убийственным домом, источником зла и проклятия, началось именно с одной из многочисленных встреч со своими партнерами. То есть как бы самая интригующая сила, все те пружинки и механизмы главной темы начинают шевелиться теперь же.

Глава третья. Посиделки

Как я уже и говорил, мое попадание в зловещую курильню проистекло благодаря одной из этих встреч с моими партнерами, которые мы чаще всего называли просто посиделками, ибо случались они у нас скорее не по делу, а ради удовольствия.

Стоит теперь же разъяснить вам самый этот обычай, который уж давно установился у этих людей, еще и до моего знакомства с ними. Но прежде всего стоит описать всех троих и кратко ознакомить вас с ними.

Первым из них был Василий Васильевич Назаров, то есть первый от того, что с ним я познакомился еще ранее других. Он занимался скупкой металла и торговал какими-то товарами вроде бижутерии и ювелирных изделий. Сам же он был человеком многосторонним и любил быть подходящим своими душою и нравом под всякую ситуацию. То есть если вдруг в обществе-либо заводил вист и открывали бутылочку шампанского, он становился задорнее всех прочих и был самою душою этого вечера; если же вдруг где проходила скорбная весть, он в тот же миг был хмурен и мрачен так, как и сама смерть не может быть, и даже плакал от чистого сердца и подбивал сочувствовать другим; говорили ли веселую историю, он издесь рассказывал свою, еще даже веселее прежней; были ли например танцы, он танцевал лучше всякого немца.

На все свое дело он не любил уделять время и проводил его беззаботно, как бы не обращая даже внимания. Всесуетливые обязанности он поручал своим начальникам, а сам же тем временем отпускал визиты и учинял банкеты. Впрочем, иногда он был очень рассудителен и носил солидные костюмы из сукна оливкового цвета. Было же ему лет тридцать девять, а вихры и лохматые брови его напоминали мне философа-дуалиста.

Другим был Антон Алексеевич Запрудин, очень юркий и заносчивый человек тридцати лет, самый молодой из них, и самый так сказать затейливый. Он был что называется ближним другом Назарова и их двоих редко можно было увидеть по отдельности, а когда же он все таки был один, то есть без Назарова, то найти его можно было у себя на суконной фабрике, где он только лишь делал всем погоду. Например мог обругать кого-либо за то, что сам он не знал как устроено дело, а обруганный знал. Или же мог заставить вычистить швея свой швейный станок, который и без того чистился на дню по три раза. То есть он попросту накидывал на себя важность и придавал большую значимость своей должности; хотел так сказать быть хоть и в мизерной фабрике, а все же императором. Самая же фабрика досталась ему по наследству и из нее он с жадностью вытягивал последнюю копейку, как какой-нибудь плут-картежник. Был он высок, веселый и радостный, любил смеяться и курить кальян. Не мог дольше одного дня усидеть на месте и появлялся в любом почти обществе не весьма благородного тона. Сама же фабрика ему также была не нужна, но за то, когда я справился у Назарова об других поставщиках сырья, то он тут же и посоветовал мне обратиться к его приятелю, что тут же и было исполнено, поскольку Запрудин поставлял мне много хорошей кожи и ниток.

Эти двое последних и впрямь не походили на действительных предпринимателей, а больше всего на каких-то там мошенников и плутов, не могущих справиться даже с собственным туалетом. Словом, они были два шута, и они также не заморачивались никакой сложностью, а всегда искали легких путей и наслаждались беспечною обыденщиной. Трудно, очень трудно поверить в их хоть какой-либо успех, но все это, однако ж, действительно было так. Иной раз, смотря на человека, даже и не подозреваешь его истинную личину. Вот так и эти, с виду были недалекими Ваньками, а на деле капиталисты. В дальнейшем один познакомил меня с другим, и уже вдвоем, весело и бойко, они свели меня с третьим, весьма почтенным купцом, богачом, какой годится в пример всякому губернскому откупщику.

Звали же его Архип Савельевич Гаврилов и был он из нас всех старше, на голову выше и здоровей, в точности абсолютный медведь. Но с виду и особенно на своем лице он был очень

мил и заботлив; дело свое знал тонко и превосходно им занимался. Торговал же он многими товарами, но более всего я ценил его дерево и кость, которые мне были очень нужны. Он имел также широкий лоб и мощную бороду, и всегда любил послушать какие-то новые историйки и события. Умом же своим он от многих отличался благоразумием и осторожностью, всегда был рассудителен, а его разговор отзывался сильным познанием жизни, мудростью и сердцеведением.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы у такого человека были какие-либо взаимодействия с такими вот хоть и предпринимателями, но все же шутами, но ведь что-то же было, раз они каждый воскресный день встречались у Гаврилова в его тихоньком загородном доме, находящимся в сосновом бору, где они всегда пили чай и заедали его кренделями, блинами с маслом да припеками с ягодой и яйцом; где они также парились в бане и ездили лихом на шестерике дерзких и прытких коней. Точно не могу сказать, на чем возникла эта дружба, тем более она завелась еще давно до моего появления, а потому не стану вдаваться в подробности, а замечу лишь то, что в эту дружбу попал и я сам, и имел от таких встреч, или посиделок, много удовольствия и приятности.

Итак, излагая события в достоверности, опишу вам окончание одной из таких посиделок, коя была виновницей моего несчастья.

В тот день мы сидели вчетвером за дубовым столом у Гаврилова и пили чай и кофе с блинами и медом, а помимо этого рассказывали интересные мистические легенды и просто историйки. Я заканчивал одну такую про московский университет и тамошние свои похождения:

– Как же ты мол, говорю я ему, от чего же не спишь? А Ковригин то мне, мол, да я так, да и все. Да от чего же? Ну вот так, просто не сплю. И знаете ли, как бы не старался он сдерживать в руках свое беспокойство, а все же по глазам то видно, видно бестию то, что врет, никак есть мошенник. Ну мы то ему такие, знаете ли, ну раз так просто, так и нечего тут по книжному кабинету расхаживать (ну мы то еще не знали всего дела, ведь это он в наш закуток забрел, а не мы в его, а окно то, этаж то есть был первый). Взял он какую-то книжонку в свои длинные руки и пошел вон из кабинета. Но тут, понимаете ли, тут-то и началась развязываться вся нить этого казуса, ведь он то не мог, хе-хе-хе, не мог выйти на двор из северного крыла, а вот тут-то вдруг и окошко тихо так заскрежетало, совсем тихо, мы успели спрятаться, и, наблюдая с Рогозиным из-за комода, увидели вдруг как в окно с улицы вошла Егорова... Егорова(тут я начал мелко смеяться и силился досказать).

– Ба-ба-ба! – Заголосил вдруг Назаров.

– Вот те на! – Также отозвался и Гаврилов.

– И зашла то она, залезла, и как только нас то увидела, такая сразу, мол, я ошиблась комнатой и ушла, и все мы тут же, как были, мощно, гомерически, даже окна задрожали и сторож прибежал. – Тут я совсем покотился со смеху, как и все другие.

– Эге-ге-гей, баба черт, ей Богу. – Все говорил Гаврилов, и верно говорил. – А что же отец-то его?

– Да какой там отец? – Отвечал я, – Где же бы он ему родил благословение на брак сына с какой-то там маркитанткой?

– Да ведь она же бывшая маркитантка. – Вставил Назаров.

– Бывшая, не бывшая, а только теперь послушайте мою историю. – Вдруг перебил нас всех Запрудин и повел свою страшную историю про Яковский погост:

Историю эту мне еще рассказывала моя тетушка Настасья Егоровна, которая жила в том самом сельце, некогда находящемся в Саратовской губернии. Было же это весьма большое сельцо и называлось оно Яковское, по имени одного помещика, обосновавшего его. Но потом оно отошло государству и мало по малу туда стали стекаться и другие помещики, которые и обосновали такое большое поселение. Но в нем проживали одни почти бедные дворяне, у

почти каждого из которых было самое большое всего-то осьмнадцать душ крепостных, и все они проживали недалеко друг от друга, как бы были в прямом смысле этого слова соседями. Но жили там люди учтивые и деликатные, то есть решительные старосветские помещики, таких сейчас больше нет. В уездный город они выезжали редко и жили тихонько и обособленно, но самая же среда и природа сельца была чиста и прекрасна. Но все же глушь, глушь редчайшая, да такая, какой и не сыскать больше ни даже в дремучей Тайге.

Почему же я говорю что жили да были? А вот почему: сельцо это зачахло и обезлюдило; больше там никто не живет и даже единственный поворот со столбовой дороги давно уже зарос бурьяном и травой, так что и никакой экипаж не сможет проехать туда. Но не по Божьей воле опустело и зачахло сельцо, а по причине случившегося там ужасного события, каких свет не видел.

Жил там один старенький столбовой дворянин Берестов, у которого было несколько душ крепостных и маленькое именье, но у которого крестьяне делали мед и поставляли в казну множество изделий. Сам же он был человеком тихим и застенчивым, никогда ни с кем не ругался и был очень кроткого нрава, то есть мог даже простить самую жестокую обиду своему кровному врагу.

Но был у него также и сын, молодой штаб-ротмистр Бог знает какого полка по имени Антон Алексеевич. Этот, значит, совершенно был не похож ни на отца, ни на мать, ни внешне, ни тем более уже характером. Он был очень плохим человеком, пьяницей и дебоширом. Всегда издевался над своим отцом и вымогал у недалекого и кроткого старика все деньги, и что всего более ужасно, он почитал за свою священнейшую обязанность делать это.

Но главной же характеристической чертой было отнюдь не отношение к отцу, а весьма необузданное его сладострастие. Он был настолько одержим им, что нередко, приехав к отцу, в сельце случались насилия и скандалы. То есть он немилостиво насиловал крепостных девок, своих или чужих, разницы в том не было. Пользуясь тамошней отсталостью и незнанием собственных прав бедных дворян, он не боялся ни суда, ни каких бы то ни было карательных мер, и все старался делать по-своему. Он постоянно пили очень часто устраивал погромы своим соседям. Жители уже много раз ополчались на него, особенно в последний раз, когда он пристал к дочери одного помещика, идущей на озеро летом, и, пользуясь ее неопытностью, чуть было не надругался над нею. Это известие так потрясло сельцо Яковское, что были даже приняты меры.

Бедный старик Берестов так любил своего сына, свое единственное чадо, что беспрекословно отдавал ему почти все свои деньги и прощал все его поступки. Но всякий раз молил его не поступать ни с кем злонамеренно, а быть добрым и признательным. Это последнее насилие он, совершенное его сыном, заставило отца броситься в ноги отцу изнасилованной (после той ситуации с его дочерью последний почитал Берестованичеством и ненавистным врагом, и даже ходил в город и жаловаться в суд и исправнику). Берестову чудом удалось уладить это дело посредством сильных протекций, а перед самым его уездом в Москву в доме пропало много вещей, и накануне отъезда устроена была также большая гулянка с тяжелыми последствиями.

Затем все стихло на несколько лет, покамест сынок его не вернулся обратно, а тем более не один, а с несколькими друзьями-мотами, которые не прочь были пожить за чужой счет.

Все они были мертво пьяны, а когда начали устраиваться погромы в доме Берестова и тем более пропадать вещи, то пришлось вызвать даже из города квартального. В следующий день случилась та беда, которая повергла все сельцо в настоящий ужас. В вечеру молодой Берестов, проснувшись, снова запил и побрел шляться по улицам, но, нагулявшись, вскоре он вернулся в свое имение и нарочно забрел в дом одного кузнеца по фамилии Минин, который принадлежал им же.

Прокравшись в их дом, он заперся изнутри, то есть когда самого Минина не было еще дома, и, надругавшись над его недурной женой, избил ее затем очень крепко и жестоко, после

чего та скончалась на следующий же день, а он в тот же вечер отправился домой к отцу и заснул там же в один кратчайший миг. Непостижимое горе случилось в сердце Минина, кузнеца, который ничего не смог сделать со своей бедой и в конце концов помешался своим рассудком об утрате любимой супруги. Отчаяние его дошло до того, что он вскоре после похорон сбежал от помещика и отправился со своим горем странствовать по другим городам, живя обособленно и аскетично.

Сам же молодой Берестов не чаял в том своей беды, но был сильно оскорблен жителями сельца и стал всюду ненавидим. Благо, что такое немыслимое преступление свершилось над крепостной, да и к тому же принадлежащей собственному отцу, иначе не избежать бы ему справедливого суда. Но отец по прежнему сильно любил сына и постарался посредством кое-каких знакомств уладить этот случай и что даже ему было составлено в городе на этот счет особое покровительство. Но тем не менее, как бы все это не скрывалось и не потоплялось под водами тайнства и неведения, а все же много слухов проникло в другие слоя общества. Многие также и проистекло из тех заманчивых слухов, так, что в Москве к Берестову стали относиться презрительно, что вскоре он был за что-то разжалован в звании и сам подал в отставку, что всюду на него смотрели как на нечеловека и не было у него более ни счастья, ни стремления к мирскому благу.

Он стал пить еще сильнее, и наконец допился до такой степени, что, окончательно всем надоевши и устроивши как-то раз в сельце крупный очередной скандал с последствиями, он затем проснулся утром от того, что многие из жителей сельца били его палками и силились схватить, и что даже называли его детоубийцей. Берестов ничего не понял и, кое-как вырвавшись из цепких рук дворян и их крепостных, убежал в лес, ничего не понимая из сказанного, но проклиная всех и грозя им страшную местью.

Случилось же под такое очередное его пьянство странное событие, весьма зловещее и куда более жестокое чем то, которое он однажды уже совершил. Двое детей помещика Ореховского были найдены мертвыми и сильно изрубленные топором, а жена же его также была зарезана и опорочена. Никто ничего не видел и не знал, а только и было известно, что все они втроем проводили время поздним летним вечером в саду, в уютной беседке и пили чай. Такое зверское преступление никак не могло более содержаться в негласности и вскоре мигом было доставлено прямо самому губернатору и прочим чиновникам.

В сельцо была даже откомандирована группа солдат с целью найти злоумышленника и предать его суду, но все поиски в окрестностях леса были тщетны, а сам же отец Берестова клялся и божился что не знает где его сын, но что он дескать искренно молит его превосходительство и Бога смягчить участь его сына и не казнить его, а только сослать в каторгу. Но не успела эта искренняя молитва дойти до его превосходительства и Бога, как вдруг случилось новое убийство. Было зарезано в поле и на реке еще несколько женщин крепостных, которые отправлялись туда свершать свои хозяйственные дела. Это ужасное событие пронеслось как вихрь по всей губернии. Вопрос поднялся не на шутку и важность в поимки Берестова состояла теперь же на первом месте у уездной полиции и капитана-исправника. Все вдруг вспомнили его недавние угрозы и месть, которую он обещался свершить. Но никто также не понимал и мотивацию таких жестоких убийств, ибо по найденным телам нельзя было сказать чтобы над ними надругались.

Вскоре свершилось еще одно убийство какого-то родственника дворянина Сонины, а после того еще двое детей пропали без какой-либо вести. Жуть и ужас распространились по всей округе. Из Москвы был выписан особый следователь для проведения дела и вести об страшных и таинственных последствиях дошли даже до самого Петербурга. Была также создана некая особая комиссия для расследования, но ей также не удалось дознаться хоть каких бы то ни было причин. Все места убийств рассматривались самым тщательнейшим образом, но не помогло и это. Был наконец выслан специальный отряд гвардии и несколько гарнизонных

отрядов для прочищения всех прилегающих лесов, мшаников и болот, но ничего не оказалось найденным и там.

А между тем поиски Берестова затягивались, а убийства и все новые и новые похищения продолжались. Люди стали покидать сельцо и оно заметно обезлюдило; везде была сбивчивость, сутолока, страх, подозрение, междоусобные распри и крестьянские мятежи, кражи и обыски. Хозяйства у всех расстроились в высшей степени, а между тем поиски шли и шли, а люди пропадали и пропадали.

Наконец это уже перешло все границы, и вот однажды, когда московский следователь, в присутствии еще двух полицейских и гарнизонного офицера находились в доме одного из тамошних помещиков, где присутствовали также и сам помещик со своею женой, то есть именно там, где был учинен штаб по всему расследованию, вдруг в комнату вбегает ужасно перепуганная прачка и падает на колени перед московским следователем, излагая:

– Государь мой, помилуйте-с меня! Спасите душу мою, а я за вас вечно Богу-с буду...

– Что? Что? Кого? – Вдруг заволновался следователь и встал, после чего встал и офицер и все прочие.

– Помилуйте, государь мой-с. – Кричала прачка, стоя на коленях и изливаясь слезами. – Все видела я, все знаю и была там, Господи Боже упаси меня окаянную-с.

– Да что же случилось?! – Кричали в волнении офицеры. – Что вы видели?!

– Все видела! Господи Владыка... В лес пошла-с на погост к покойнику своему и его там видела...

– Берестова?! – Ошеломленно спросил следователь.

– Нет государь мой, кузнеца их, Кузьму Архиповича, помешанного-с.

– Как кузнеца?! Это что же?! Какого кузнеца Кузьму Архиповича?! Где?! А ну не тараторь и расскажи обстоятельно!

Поднялся вдруг такой шум, такая суета, что все стало жутко и в то же время все что ни было порывалось теперь же на погост, ибо обнаружилась теперь же хоть какая-либо новая зацепка.

– Государь ты мой, – продолжала прачка Акулька, захлебываясь истерикой. – Вот-с пошла я, барин, на погост наш, что там-с, за мшаниками стоит, за болотцем, к покойнику-с. Да вот иду то я по темноте, по тропам то тамошним, и вдруг вижу как бы свечка горит в темноте то-с, далеко; пошла я туда и слышу вдруг, как какой-то мужчина в землянку речь свою обращает, погоди мол, сейчас я тебе ручонки то выбелю-с, барич. Чу, смотрю, да как ни есть сам Кузьма Архипович, его то я узнала, стоны и жуткие стенания из землянки доносились, да я взяла и в страхе как побежала домой во весь опор. Господи, помилуй меня-с.

Ну, как вы думаете, стоит ли уточнять мне, каковы были шум и паника после сказанного? В тот же миг отрядили четыре отряда, окружили болотник с погостом, куда доньше не додумались заглянуть, схватили помешанного кузнеца то того, да он взял сам себя и заперол. В землянке восемь тел нашли, девятым был самый Берестов, только недавно умерший. Экспертиза постановила, что он около месяца был в плену у Минина и был истязаем и бит каждый день, самого же его нашли также зарезанного, еще с горячею кровью.

Вот, господа, до чего оказывается может отчаяние дойти, ведь был такой исправный человек, и ведь никогда не подумаешь, что из-за смерти своей жены можно сойти сума, да причем стать таким маниакальным убийцей. До сих пор зловещая история ходит по тем краям, а в самом сельце уж подавно никто не живет.

Все мы молчали потрясенные и переваривали историю, рассказанную Запрудиным. Но вдруг Назаров, насыщенный таким рассказом, спросил нас всех как бы в пандан всеобщему настроению.

– А про курильню-то Петербургскую не слышали историю-то?

Все мы тут же устали на него.

– Это про какую такую курильню? – Спросил его Запрудин с интересом.

– Как же, да вот что была на Невском, где дом то там стоял вдоль Невы, длинный дом такой в два этажа. Там и была она в подвале, а заведовал ею Лев Борисович Тенетников, не слыхали разве? Иван Андреевич, не слыхал ты? Ведь вот тоже про похищения; жуткая история.

– Ах, как не слыхал! – Воскликнул Запрудин. – Слышал краем уха, что-то там про утопленников, да только вот сути дела так и не понял. Расскажи ка нам всем обстоятельней.

– С удовольствием расскажу, итак.....

Мы с Запрудиним в предвкушении приготовились слушать историю, но, к нашему изумлению, Гаврилов вдруг запротестовал и стал склонять Назарова к тому, чтобы тот не стал оглашать ее.

– А нечего нам рассказывать такие страшные истории, поскольку к добру это не приведет, а ты, Василий Васильевич, давай ка лучше не совращай их молодые умы, а то сманишь их на гиблое дело; много уж людей понесло от этого Тенетникова.

– Позвольте, – отвечал я. – Да разве эти истории могут нанести нам какой-то действительный вред? Я вот очень хотел бы послушать историю, тем более что торопиться еще некуда, а за свою молодую рассудительность я сам могу отвечать.

– Право, Архип Савельевич, – говорил Назаров ободрено. – Нет тут вовсе никакой серьезности, тем более что это было уже давно, а господам рассказанная история не принесет никакого вреда.

– И впрямь, – говорил уже и самый Запрудин. – Никакого горя от того не последует. Конечно же пусть рассказывает.

– Добро, – согласился в итоге Гаврилов. – Да только вот потом я посмотрю, как никаких последствий из того не случится. Иван Андреевич то вон совсем еще молод, глядишь, потом будет еще жаловаться на тяжелую участь свою, мол, Архип Савельевич, помогите, а вот тогда и посмотрим. Никогда я еще не давал дурных советов, но коли уж так, так и делайте что хотите, а у меня ничего не спрашивайте.

Сказавши это, он, подперев голову под локоть, кажется, задремал. А Назаров тем временем уж начал рассказывать историю про загадочную курильню:

Как я уже и говорил, история эта случилась здесь, в Петербурге, на Невском проспекте, именно там, где сейчас находится один большой склад каботажных приборов. По времени это произошло... дай Бог памяти, кажется года три назад, но зловещий след и последствия, оставленные этим событием, сохранились и по сей день.

Итак, речь идет об Льве Борисовиче Тенетникове, управителе одной курильни, ставшей запрещенной и некогда устроенной в том самом складе, об котором я только теперь же упомянул. Как-то раз мне удалось повидать его, а потому смогу вам кратко описать его.

На вид ему может лет сорок пять, ростом он не столь низок, но и не высок, но зато весьма плечист и широк; носил всегда черную как смоль бороду, усы, баки и курчавые вихры, а лоб же его, помню, также был широк, что было несоразмерно с маленькими глазенками, так, что всю его физиономию можно назвать глумливой и насмешливой. Разговор у него деловой, деликатный, речь ведет плавно и обращается вежливо, любит курнуть трубку, а во всех его телодвижениях видна дарованная самим Богом харизма и красноречие. Он весьма умен, но самая ученость и прочие сферы просвещения его мало интересуют. Интересны же ему были море, флот и все что связано с ним, ибо он бывал когда-то простым, но задорным матросом, который дослужиться до офицера все же не смог, но однако ж почти пятнадцать лет провел в море. Слыл в экспедициях отличным плотником и очень часто путешествовал в островную Европу и Голландию. Когда-то он покинул флот и перебрался жить в Стокгольм, а оттуда и в Петербург, вместе с Бог знает откуда взявшимся капиталом.

Прошло несколько времени и он выкупил большое помещение у самых берегов Невы (этот же склад), и учредил в нем обычную курильню опия, где собирались как и простые люди,

так и бывалые в этом деле любители, настоящие курильщики, причем собирались там так, словно курильня эта стояла там всю жизнь, а не месяц с небольшим, и пользовалась славой одной из лучших в мире.

Но прежде чем я приступлю к самой сути истории, уточню несколько сведений об этом самом товаре, который сбывался в этой курильне по весьма завышенной цене, и кой также доставлялся Тенетникову Контрабандой (если верить тем, кто и сам курил его и был там, то есть именно те, заядлые тамошние посидельцы, кто лично рассказывал мне об этом, и кто уж давно упокоился). Самый же этот товар имел на себе некое клеймо таинства, осмотрительности и воспрещения.

Говорят даже, что он водил знакомство с предельно лихими и морально разложившимися элементами преступного мира, но точно этого подтвердить не может никто.

Так вот, самый товар есть по сути обычный опий, но, как говорят, обладающий повышенной степенью осязательности и воздействия на человеческий организм. Казалось бы, дело обычное, да как ни так! Опий этой имел в себе некоторые алхимические добавки, ставшие запретными еще даже в средневековые времена: эти добавки были сами по себе экстрактами древних растений, которыми пользовались еще, согласно летописи, воинственные кельты для волхования, и обладали дурманными свойствами, а помимо этого еще и целебными.

Раствор и примеси, соки и прочие экстракты, выпаренные и выделенные из этих растений и преобразованные весьма тайным способом в некое снадобье или зелье, могли заставить человека уверовать в то, чего не было и в помине. Они извращали его рассудок и давали ему увидеть все то, чего быть не может, и то, что здравый мозг его никак не мог возжелать, а вот зато все низменные и подлые глубины его сознания еще как могли.

Они наделяли человека ощущением полного осознания над окружающей его средой, но в то же время усыпляли его бдительность и внимание; они давали ему плоды и фабулы таких желанных реалий, что человек, находясь в действительности всего то во сне, забывал об том и начинал верить в действительность происходящий с ним событий; он чувствовал вкус и телесные наслаждения, страх, боль, радость и все прочие чувства; он уставал но был бодр, он был силен но изнывал от усталости.

Одним словом эти алхимические ингредиенты испокон веком считались таинственными и дьявольскими, а за их использование тогдашние вассалы объявляли человека нечистым, признавали его колдуном и отлучали от церкви, после чего сжигали на кострах. То есть даже еще во времена писания «Молота ведьм» у многих травниц находили все те же отравляющие экстракты.

Но тем не менее, окончательно в нашем мире ничего не может пропасть, так как не смогли окончательно исчезнуть и эти травы. Поэтому и теперь, как полагают многие, эти рецепты и экстракты попали в руки к тем самым контрабандистам и крупным поставщикам опия, находящимся в Голландии, и сбываются лично в руки Тенетникову по морю, сюда, в Петербург.

Вот, пожалуй, что можно сказать об этом товаре.

– И полно! – Вмешался вдруг Гаврилов, как бы проснувшись. – Вишь как они на тебя то уставились, им этот опий сейчас дай с запретными травами, да ведь они и не откажутся.

– Нет, Архип Савельевич, ужели так делается? Уж позвольте мне досказать. – Отвечал ему Назаров и тут же продолжил историю.

Так вот, появился этот Тенетников теперь у нас в Петербурге и учредил курильню по вышесказанному адресу, и, знаете что, вот если бы сейчас наш этот самый автократ объявил бы на весь Петербург, что готов принять к себе на прием любого желающего, то и тогда бы было очереди меньше, чем она бывала у Тенетникова. Да, невероятно актуальным стал его опий: люди, забыв обо всем, сломя голову бежали в курильню продавали и отдавали все, чтобы хоть разок успеть и попробовать одну такую дозу опия, чтобы хоть раз в жизни то испытать

то счастье, познать силу мысли и величие духа. А те, кто уже пристрастился к этому опию, то мало об нем упоминал да и вообще начинал вести себя странно.

Все потребители этого опия становились подозрительными и какими-то тихими, уходили из дома в курильню и много дней их нигде не было видно; они становились замкнутыми и обособленными, а их рассудок мешался и они переставали быть похожими на сами себя; все их жены и родственники проклинали владельца курильни и мало-помалу в городе начинался ропот и недовольства, и даже были кое-какие покушения на личность Тенетникова.

Но курильня стояла железно и работала исправно, несмотря на непомерный доход, который она приносила. Сам же Лев Борисович платил хорошие налоги и пользовался многочисленной протекцией и никак более не беспокоил государство, покамест люди, то есть потребители опия, не начали пропадать и наконец находиться утопленными и совсем сгнившими в Фонтанке. То есть именно те, кто еще вчера только продавал последние вещи в ломбард за ломанный грош и отправлялся на Невский в курильню Тенетникова.

Опухших и разложившихся трупов по нескольку штук сряду вытаскивали из воды и удостоверяться в несомненном наличии насилия и убийственного умысла, ибо все они были в мешках, всюду связанные и с привязанными камнями.

Вскоре поднялся шум небывалый и многочисленные родственники писали жалобы и искали покровительства у многих чиновников и привилегированных особ, что якобы нанятые Тенетниковым люди тайно убивали их мужей и детей, с целью ограбить их и скрытно ночью выбрасывали их в реку. Проводились обыски и осмотры курильни, устанавливались следствия и слежки за ночным передвижением всех входящих и выходящих в курильню со всех ее сторон, но никак нельзя было узнать и понять: почему пропадают люди. То есть просто было видно, что вошел туда человек, и больше не вышел. Искали даже подземные ходы, но ничего не нашли.

Появились целые комиссии и инспекции в это помещение; поднимались многие толки весьма сомнительного характера и даже поступали жалобы самому императору, заканчивавшиеся просьбами и мольбами об закрытии курильни и взятия Тенетникова под арест в острог. Много проистекло тяжб и неприятных последствий, но вскоре государство убедилось в разумности народного волнения и прикрыло курильню Тенетникова, и даже чуть его самого не прикрыли.

Все эти слухи вскоре улеглись и курильня перестала существовать. Тенетников же сам также куда-то пропал и людей перестали находить мертвыми в водах Фонтанки. Тех людей, кто остался жив и не успел еще утонуть тайным образом, осталось очень мало, и многие из них сошли сума или повеселись, а те единицы, кто сумел сохранить свой рассудок, вдруг одичали и неохотно отзывались об своих давнишних забавах. Сейчас мало таких, и все они скупой черствостью общаются с нормальными людьми. Так явление этой курильни прошло как эпидемия, которое унесло много жизней и погрозило вернуться вновь.

Но вот же судьба, не успело минуть и полных трех лет, как вдруг пошли слухи об новом предприятии Тенетникова, которого видел кто-то краем глаза на одном из наших портов, то есть речь теперь же идет об тайной курильне, во всех смыслах скрытой и запретной, куда могут проникнуть только избранные гуру этого предприятия. И что теперь даже вновь начали потихоньку появляться тела утопленников на Фонтанке и в других местах нашего Петербурга.

Снова поднялся шум, снова народ начал роптать. Но все на сей раз было решительно глухо и бесполезно: всякое расследование терпело крах, а происки шпионов были тщетными. Люди покидают свои дома и появляются мертвыми в водоеме и по сей день. Известно лишь только то, что эту курильню именуют как «Дом двенадцать», и не понятно даже почему.

Более я ничего не могу сказать. – Так закончил Назаров удивительную историю про ужасные события, кои теперь же я спешу вам поведать в полнейшем описании и достоверности.

Но в тот вечер мы все еще сидели потрясенные от такого рассказа, и, честно признаться, возбужденными. Один только Гаврилов сидел разочарованно и все настаивал на выдумки и

детские шалости. Нас же обоих, особенно меня, он предостерег не вмешиваться ни в какую затею, и не стараться никаким способом разыскать этот дом. Так мы просидели еще без малого час, и, когда на улице стемнело уже совершенно, я горячо распрощался со всеми и отправился усаживаться в коляску, придерживаемый заботливой рукой Фрола.

Домой я вернулся в весьма потрясенном и возбужденном состоянии духа.

Глава четвертая. Курильня

Несколько дней сряду я был в высшей степени озадачен необходимостью в получении более обширных познаний относительно этой загадочной курильни, нежели тех, скудных недо-молвок, которые я приобрел в гостях у Гаврилова.

Мне положительно было интересно узнать об ней всякую подробность, узнать местонахождение этого дома и разузнать самую личность Тенетникова, то есть мной руководило всего лишь наивное любопытство. Но такое любопытство более походило на ребячество или бодрую шутку, а потому я несколько успокоился и перестал мысленно гоняться за неосуществимым.

Но через какое-то время мой рассудок вновь помутился и меня, ровно как и все мои мысли, уволокло в абсолютное отчаяние и тоску. Я стал мало питаться и плохо спать, а работа по бусам и даже самая Настасья перестали волновать меня. Мне попросту хотелось самому развеять эту тайну и стать одним из тех, кому удастся разгадывать тайны мира. Вскоре я окончательно обособился и одичал в своей квартире, так, что даже вечерние прогулки я совершал без Фрола и его экипажа, ибо, как известно, желание, хоть один раз пробудившееся в человеческом разуме, способно двигать им и побуждать его разум к самым затейливым предприятиям.

Я не унимался. Ни один раз еще после тогдашней нашей встречи я приходил в гости к Гаврилову и Назарову, с целью вывести от них хоть какой-либо малейший намек на местонахождение этой курильни, но все было тщетно. Один сильно бранил меня и укорял малодушием, а другой попросту отзывался незнанием.

Никогда еще в своей жизни я не испытывал подобную нужду и тягу к сей опасной аван-юре, а потому, увлекаемый этой тягою, я решительно позабыл об всех возможных послед-ствиях и с лихвой окупился в данное предприятие. Но, надобно заметить, что я даже не испы-тывал никакого влечения к опию, и никогда в своей жизни не пробовал его, а потому, я так решил что это мое тщеславие и плутовство заставили меня пойти на поиски дома двенадцать; то есть если я и найду его, то вот мол, знайте, что это я его нашел, а никто другой.

Но более же меня притягивала вероятная достоверность этой легенды и самая тайна, которую я хотел развеять и прояснить, или же, напротив того, оправдать и даже поощрить эту остроумную выдумку.

Тем не менее вскоре я взял с собою свой маленький сак и отправился на поиски тай-ной курильни один, без какого-либо сопровождения и экипажа, поскольку хотел постичь эту тайну в совершенном уединении. Но так или иначе, все мои усилия все же свелись к одному из здешних удалых лихачей, знающих Петербург как свои пять пальцев, то есть те именно, кто являлись людьми ухищренными и осведомленными, заклеянные своею несдержанностью во всяких толках и трактовках; кто непременно смог бы внести мне всякую ясность об двухлетней давности. Именно у них то я и пытался прежде всего выяснить хоть какие-нибудь подробности относительно Тенетникова.

Вскоре я встретил того, кого искал, то есть ушлого дедка, знающего любую подворотню в городе, и, разумеется, наслышанного об курильне и Льве Борисовиче. Но к моему удивлению он не совсем понял что я имею ввиду и по моему же разъяснению отвез меня в ближайшую законную курильню. А хотя лихач так и не понял моих толкований и даже отвез не туда, я все же решил не торопиться и зайти в эту курильню, где встретил много всякого люда, но где не встретил ни одного, кто бы знал об нахождении жилища Тенетникова. Один, однако ж, много слышал об нем и утверждал меня что тот давно уже в ссылке. Другие же, лишь только речь заходила об утопленниках, с недоверием отворачивались от меня и не хотели даже что-либо сказать мне. Многие подозревали во мне жандарма и быстро стушевывались, так что это совершенно раззадорило мой интерес к тайне.

Затем я велел лихачу ехать на станцию и искать других лихачей, что и было исполнено, но, то ли извозчики сегодня все просто обмерли духом и даже никакой прыти в них не было, то ли я и впрямь лишь только поднимал панику своими вопросами, а только в тот день мне не удалось придумать решительно ничего.

Я никак не мог поверить, чтобы во всем Петербурге слухи о проклятой курильни могли быть неактуальными, что такое общественное дело не оставило в памяти жителей города никакого следа или же отпечатка.

Но больше же всего меня волновало отсутствие практичности; что я никак не мог найти способ узнать посредством дружной беседы хоть что-либо из многочисленных тайн этого дела; и что наконец самая эта весьма эксцентричная история стала уже давно простывшей новостью.

Несколько дней мне приходилось еще посещать кабаки, трактиры и прочего рода клоаки, где также я старался выведать любые подробности от самых мрачных и подозрительных личностей, используя все свои навыки в обращении и слоге. Я также не жалел и финансовых средств, угощая и просто платя многим из них для того только, чтобы развязать им языки. И вот что мне наконец удалось узнать.

Оказалось, что таковые случаи и впрямь имели место быть в Петербурге, и что даже есть многие люди, знавшие и собиравшие любые подробности, как например Державин, местный сотрудник какой-то мизерной газеты, но занимавшийся тогда выпиской и хроникой всех этих таинственных смертей, составлявший также некрологи и хранивший у себя все эти записи, и который также мог бы мне разъяснить всю суть дела. Что есть даже списки многочисленных родственников покойных и даже самые эти личности, кои употребляли некогда этот волшебный опий. Также мне удалось отыскать местонахождение того самого склада на Невском проспекте, где по словам многих людей и самого Назарова находился зловещий чертог, но в тот же день прибыть туда мне не удалось, по случаю позднего вечера.

Помимо этого мне удалось дознаться от одного лихача, что этот самый дом двенадцать и впрямь существует где-то здесь в Петербурге, и что он непременно должен находиться подле водоема (почему это знал извозчик, я не уточнил), и что этот самый дом является сам по себе не просто домом, а каким-то завуалированным заведением в образе кафешантана или трактира. Однако более точных подробностей у него я не доискался.

На следующий день я отправился на тот самый склад и долго обсматривал его и обходил все его окрестности, воображая, как бы самый Тенетников мог так ловко сплавлять трупы в реку. Я искал потайные ходы и подземные лазы; я платил взятки сторожу и проходил вовнутрь, где также ничего не удалось найти. Я отыскал съемщика склада и платил деньги даже ему, но тот лишь отправлял меня поинтересоваться в очередной клоак. Там, приехав туда, я отыскал много мерзких личностей и пьяниц, кои также охотно принимали от меня подарки, но в то же самое время также охотно ввали мне всякие глупости, выдавая себя за бывших посетителей этой курильни.

Наконец я отыскал в адресном столе местожительство хроникера Державина, и отправился к нему. Это был человек умный и начитанный, но по своему помешанный на мистике и оккультизме. Он охотно принял меня и долго угощал чаем, не спеша отвечать мне на мои вопросы. Но вскоре он выдал мне все рукописи написанные им лично и тогда я углубился в чтение.

Честно сказать, в тот раз я прочел очень многое и нужное, узнал все те страшные события в точности и увидел картину как бы на лицо. Я собирал все эти достоверные факты по порядку и делал кое какие записи; сделал я также и точный портрет Тенетникова и, к моему изумлению, узнал от Державина, что сам Лев Борисович и не думал покидать Петербург, и что он вовсе не прячется от государства и скрывается от закона, и уж точно не находится в ссылке, а попросту не любит выходить из дому и живет обособленно, но не известно где. Также я беседовал с квартальными и дворниками, которые смотрели на меня еще более подозрительней,

но зато когда я явился в газетную лавку и постарался дознаться подробностей там, то вдруг лавочник наотмашь дал мне адрес некоего курильщика, где только не бывавшего, что очень меня обрадовало.

Я отыскал этого человека опять же в трактире и вот чем закончилась наша встреча. Прежде всего замечу, что это был весьма жуткий и нервный человек лет сорока, часто косившийся по сторонам и куривший самокрутки. Попросил меня заказать штофф, что и было сделано, после чего он кратко рассказал мне об своих переживаниях и признался, что знал Тенетникова и был у него много раз в курильне, но он осторожно предостерег меня, что, попади я к нему, назад уже на вряд ли получится выбраться; что сам же он остался жив чудом, и самый этот опий есть ничто иное как снадобье самого беса. Он убеждал меня отказаться от моих поисков и не пытаться найти его, добавив, что дом двенадцать, это в самом деле не прозвание дома, а его порядковый номер, и что только самое Провидение и Божия воля упасла его от новой зависимости и что теперь, будучи силен духом и волею, он продолжил жить честным и порядочным человеком, свободным от какой-либо зависимости и питая немерное счастье. После чего, тот честный и порядочный человек заснул от выпитого штоффа и более ничего не сказал. Я же удалился вон в небывалой радости.

Как же я был глуп и слеп, что ни одной хоть единственной своей извилиной не смог догадаться об самом прозвании этого дома, то есть об его нумерации. Счастье и ликование овладело мной. Я немедленно призвал к службе Фрола и отправился с ним объезжать все дома в городе под номером двенадцать, и в течении всего следующего месяца я отыскал таки нечто похожее на то, что могло бы быть тайной курильней, и вот что это было.

Это было маленькое здание на Набережной Фонтанки неподалеку от Аничкова моста. Всем своим видом он походил как бы на кафетерий, да только располагался в небольшом и глухом переулке, как бы скрываясь от всеобщего виду. Он имел внутренний двор и скрытый выход к складским помещениям; сам же дом был небольшим, но имел подвальное помещение, маленькие оконца которого выходили на фасад дома. Первый же этаж его был высок и подъезд его имел крыльцо со ступенями в пол этажа, а самый общий вид здания вызывал не весьма хорошее расположение. Номер дома, разумеется, был двенадцатым, и что более всего странно и удивительно, он работал исключительно в ночное время. Представьте себе. Это последнее окончательно убедило меня в моей находке.

Когда же я явился туда в тот же самый вечер, то обнаружил внутри этого кафетерия весьма грязное и убогое помещение. Все что ни было там, походило на развратный притон и мелочную, дешевую лавчонку для нищих: стекла были грязны и даже дневные лучи почти не проникали в него; висело еще несколько керосиновых ламп на потолке, а все стены даже не были обделаны штукатуркой на благоустроенный манер. Все столы были грубы и не то, чтобы не покрыты хоть чем-нибудь, а хотя бы даже и не обтесаны; всюду валялись окурки на полу и грязные салфетки на подоконниках, были липкие пятна на столах и засохшие плевки, и даже сено выпиралось из под скамеек.

Тут, в полумраке, сидело человек семь или восемь, и все они были мрачны и молчаливы; никто ни с кем не переговаривался и даже не обращал внимание на любое движение. Все они выглядели скверно и пили только кофей или чай, которые им приносил мальчик по заказу и из соседнего помещения, где была маленькая комнатка. Всюду парил табачный дым и летала какая-то дрянь, сильно докучавшая.

Но вот в чем более всего было мое подозрение, так это то, что все они время от времени спускались вниз, в подвал, и выходили от туда весьма потерянные и сбивчивые, но натурально возбужденные, как было видно по искорке в их глазах. Самую же эту дверь, которая с другой стороны была сокрыта черною занавесью, охранял некто жуткого вида, но в точности я не мог разглядеть его.

И вот, когда я уже просидел там в первый раз почти до полуночи, в помещении, а именно из той самой подвальной двери, вдруг появился он, Тенетников. При его виде я почувствовал немалое волнение, ибо вид его был грозен и суров, но я почти в ту же самую минуту удостоверился, что это действительно был он, согласно всем описаниям, которые я так долго копил и собирал.

Дух мой был непомерно счастлив и возбужден, сердце мое не знало границ и билось как колокол, поскольку я таки сумел отыскать эту таинственную личность и вот вот готовился ворваться в курильню и разгадать загадку, которую я так долго разгадывал, то есть я вовсе не собирался потрепать опий, нет, вы что, Боже меня упаси, просто мой захватнический и удалой дух непременно хотел этого.

Но какого же было мое разочарование, когда я вдруг понял, что ничего не могу сделать, и что мое посещение никак не отобразилось на лице Тенетникова, что он даже не обратил на меня внимание. Вскоре он ушел, обойдя некоторых из посетителей и забрав их с собой вниз. Я же остался ни с чем и продолжал сидеть. Еще одно событие случилось в ту ночь: один из всех этих скверных личностей, до сих пор сидевший мирно и спокойно, вдруг начал подозрительно оглядываться, и, когда я уже увидел у него в руке револьвер, он точно встал и направился в ту самую черную дверь, но через какой-то миг вылетел оттуда как ошпаренный и сбежал в ту же минуту, трясаясь от страха и чуть ли не в панике. На этой его ошибке я и сам теперь не решался входить туда без приглашения.

Несколько дней еще я должен был сидеть там всякую ночь и ожидать появления Тенетникова, но всякий раз он не замечал меня и проходил мимо, что еще более повергало меня в уныние. Наконец, насильно заградив ему дорогу и набравшись духа, я вдруг встал перед ним и произнес:

– Прошу прощения, Лев Борисович, меня зовут Иван Андреевич Семечкин, я капиталист и у меня есть свое дело. Я слышал, что здесь бывает весело и всякий странник может приятно провести время, и что...

– Не знаю вас, кто вы такой, и чего вы хотите. – Властно перебил он меня, после чего отправился дальше, а мои ноги сами отошли в бок, дабы уступить ему дорогу (настолько был он грозен и силен).

Так я остался ни с чем, и более уже никогда не подходил к нему сам. Так продолжалось еще две недели, и каждый день меня ждало разочарование. Стремление мое пришло в полный упадок.

Глава пятая. Смарагдовый змей

Как-то раз я снова пришел в этот скверный притон самой поздней ночью и тут же присел на липкую и пыльную скамью подле самого входа в черную дверь, так, что я оказался практически в самом дальнем углу помещения, где было поменьше и людей и табачного дыма. На сей раз тут собралось народу несколько больше и каждый из пришедших, видимо, ожидал своей очереди на то, чтобы спуститься вниз.

Я хорошо помню тогдашние свои чувства и никак не переставал досадовать на свою неудачу. Казалось бы, разгадка тайны здесь, вот она, нужно было только взять ее. Но почему-то взять ее у меня не получалось, хотя я даже несколько раз уже почти набирался в душе духа, чтобы шагнуть туда и проскользнуть мимо таинственного стража.

Но такие смелые героические порывы оканчивались благоразумной осторожностью, поскольку, нарушив здешний порядок хоть один единый раз, я мог навечно отстранить себя от разгадки великой тайны. Я стал ждать и томиться, ждать такого случая и с волнением терпеть его длительного появления; я набирался мужества и старался отследить в выборе Тенетниковым своих посетителей хоть какую-либо комбинацию или здравый смысл.

Иной раз я даже помышлял об том, что за одним из таких посетителей по самому выходу его из нижнего этажа утром можно было попросту проследить и допросить его где-нибудь на улице, даже можно было заплатить ему и узнать все нюансы в точности. Ведь ему, надо полагать, нужны были большие деньги для потребления опия, если верить слухам и общему мифу.

Но дело в том, что это-то и был миф, легенда, и простые слухи, а на всего лишь слухи я не мог опираться и рисковать, то есть жертвовать всем своим предприятием. А если окажется так, что денег там требуется грош, и он в них не будет нуждаться? Или же, что своим допросом я смогу возбудить в нем подозрение и он в конце концов сообщит про меня Тенетникову? Что тогда будет?

Нет, так рисковать я не мог и вместе с тем покорно ждал день за днем своего счастья.

Так я сидел и досадовал на свое бессилие, и, не имея более никакой надежды, я уже намеревался встать, как вдруг Тенетников, представший в один кратчайший миг передо мною, окинув и смутив меня своим взглядом, присел ко мне за стол и деликатно сказал:

– Доброе время суток, Иван Андреевич, небось скучаешь? Это ничего что я так прямо?

– Ах нет, что вы, Лев Борисович, – отвечал я с трепетом и путаясь в мыслях. – Конечно же вы, вы... вольны как бы по возрасту своему и вашему положению обращаться ко мне таким тоном. И я очень, поверьте, очень рад что вы наконец обратили на меня свое внимание; я так долго ждал вас... Но я, право, несколько стеснен таким вашим появлением, ужели я смог так отличиться в ваших глазах от всех этих людей?

– Это ничего, что я так внезапно. Мое дело быть всегда полезным и появляться вовремя, однако, я вижу ты и впрямь изумлен, что ж, буду с тобою прям и краток. Долг мой следить за собственной безопасностью и знать всякую мелочную подробность об своих посетителях. В тебе же я вижу человека настойчивого и уверенного в своих возможностях, но, как бы не был ты честен и откровенен, я не могу все же взять и пропустить тебя в свой собственный дом, ибо не знаю, что может находиться в голове у человека, мне малоизвестного и никогда мною невиданного, понимаешь ли?

– Безусловно понимаю, – отвечал я с подобострастием. – Как не понимать, ведь можно ли сейчас в наше время кому-либо доверять и быть в ком-то уверенным? Разумеется, что нет. Все правильно вы говорите и поступаете совершенно разумно и рассудительно, Лев Борисович.

– С тем самым, – продолжал он, хладнокровно смотря на меня, как бы испытывая, – мне пришлось сделать много дел и навести множество справок относительно вас и вашего дела. То

есть я просто был обязан узнать вас и самую вашу личность, узнать и понять, что ничего худого за этими глазами не может сокрыться; так я проверяю каждого, прежде чем хочу пустить его к себе... в гости.

– Абсолютное ваше право, Лев Борисович. – Отвечал ему я.

– Не хотелось бы, чтоб ты предвзято думал обо мне и брал этот мой бдительный шаг в пример моему постоянному подозрению. Поверь, убедившись в том или ином человеке, я остаюсь и поныне при своем мнении.

– Вы совершенно правильно поступаете, Лев Борисович. – Отвечал ему я.

– Я сразу же понял, что ты несомненно ищешь то, что по логике твоей и разумению есть существенно важное, но не весьма достигаемое и доступное. И, исходя из того, я по настойчивости твоей и незапятнанности убежден в твоей же честности и любительской перспективе. Итак?

– Вы как всегда тонко подходите к делу и безусловно правы, Лев Борисович. – Все отвечал ему я.

– Тогда ручаешься ли ты в своей сдержанности и скромности своего же языка, который у многих людей бывает развязан так, что даже гадко? Обещаешься ли ты, показав я тебе нечто таинственное и запретное, искомое тобой, хранить это знание до конца своей жизни? Имей ввиду, что я не маленький мальчик и не бросаю своих слов на ветер, а также не допускаю в свою сторону ни малейшего повода к сомнению и несерьезности в своих обещаниях. И что каждый, нарушив данное обещание, в конце концов найдет свою подлую участь, как ее уже находили многие необузданные языком оборванцы, участь, которая свойственна таким вероломным людишкам. Имей это ввиду, многочтимый теперь же Иван Андреевич.

– Я безусловно обещаюсь в своей конфиденциальности и степенности уст своих. – Говорил ему я в небывалом волнении. – Обещаюсь вам, что никогда и ни под каким предлогом или мукою я не разглашу данную тайну и я также заклинаю все силы земли и ветра небес поразить меня страшною карою, будь я несдержанный и необузданный своим языком. Клянусь вам, многопочтеннейший Лев Борисович, клянусь Святым Причастием и Пресвятою Богородицею, силою Честного Креста и Святым Знамением. Клянусь вам хранить тайну и унести ее с собой в могилу (тут я очень истово и набожно перекрестился и склонил голову вперед как бы в молитве).

– Что ж, – говорил мне на это Тенетников. – Вижу, что ты полон честности и благоразумия. Давай же сюда свою руку (он протянул мне свою), а теперь проходи за мной. Добро пожаловать ко мне в гости, ты можешь появляться здесь ввечеру хоть каждый день.

Я пожал его мощную и крепкую ладонь и тут же, по его же приглашению, мы направились в сторону тайной черной двери, так долго меня манившую и которая скрывала за собою разгадку всех тайн и мистических событий.

Открывши дверь и отгородивши черную занавесь, мы чуть было прошли вовнутрь, как вдруг, резко и неожиданно, на меня чуть было не накинута тот самый загадочный страж, ужасный и настолько мерзкий, что сердце мое заколыхалось как соломка под сильным ветром. Он оскалил свои гнилые зубы, которые были чуть видны от того, что с лестницы внизу лился едва заметный свет, зашипел и хотел было вцепиться мне в горло, как вдруг Тенетников остановил его одним лишь жестом руки и тот отполз обратно, во мрак, откуда так внезапно появился.

– Оставь его, – говорил он этому страшному человеку, это наш друг; отныне всегда пропускай его в обе стороны без малейшей претензии. – Затем он добавил мне: – Не бойся его, это наш страж, он отпускает непрощенных гостей.

Затем мы пошли далее, вниз, а я, спускаясь в полумраке по ступеням, все шел и с трепетом в душе думал об том страшном человеке.

Было же в его облике нечто жуткое, совсем запредельное и непостижимое человеческим разумом; точно самый лютый и непонятный страх обуял мое сердце и мой рассудок так, что тут

же хотелось сбежать оттуда в немалой панике и отчаянии. Как бы некая сила, которая заставляла человека дрожать и испытывать страх, коя пронизывала душу насквозь и обхватывала мозг, с целью поглотить в нем остатки малейшей здравости. Более я не знаю как подобно описать те чувства, но попробую описать вам его внешность.

Вид его был столь страшен и необычен, что любой способен ужаснуться до самой мизерной песчинки своего рассудка. Одет он был полностью в черную мантию, а помимо гнилых зубов он имел еще и весьма морщинистую и бледную кожу на лице, длинные и цепкие ногти на таких же бледных руках, бровей не было, прямой и длинный нос, и самый неприятный штрих на его лице – черные и круглые очки, делающий такой вид, что у него как бы вовсе не было глаз, а лишь одна пустота.

Но вскоре я перестал думать об нем и, как наличие людей в зале так и присутствие самого Тенетникова, заставили обратить меня мои мысли в весьма другое умственное направление, так что я даже чуть не застыл в недопонимании на том же самом месте.

Перед мною вдруг распростерлось темное и просторное помещение, со множеством длинных лавок и столиков со стульями по всем углам. Имелось еще несколько входов и выходов в другие комнаты и еще Бог знает куда, прикрытые то дверями, а то и вовсе ширмами; большой и круглый стол посреди всего, маленькие и закрытые чем-то оконца, большая и засаженная со временем чужими спинами печь, несколько картин и барная стойка, за коей также находилась большая дверь и доносились какие-то непонятные голоса; была еще одна маленькая дверь под самой лестницей, несколько свечей по углам всей этой залы и одна настольная лампа на барной стойке; Были еще несколько оленьих рогов на бревенчатых стенах, на полу везде пепел и окурки, мундштуки и даже цимермановская шляпа в углу за печью. Все было грязно и беспокойно, я бы даже сказал что отвратительно, а по всему помещению парил густой желто-зеленый смог, весьма зловещий на вид, как бы кладбищенский, но приятный на запах.

Всюду здесь же, на длинных скамьях и стульях располагались... потребители (теперь я буду называть их так), сидящие как бы в бреду, с понурившимися головами и будто спящие, едва держа в своих грязных руках мундштуки и даже роняя их. Все они были худо-бедно одеты и время от времени вставали и уходили; кто-то бормотал во сне бессвязный вздор, а кто-то и вовсе посвистывал и как бы рычал. Лица у всех были мертво-бледные и мелко дрожали судорогою, а их позы в этом ужасном сне были чересчур дикими и неестественным. Одежда у них была испачканной и даже сгоревшие спички висели на их шинелях и руках.

Словом, я попал в самую, что ни на есть скверную и отвратительную курильню опия на свете, но где непременно находилась совсем рядом разгадка всех этих таинственных убийств и похищений.

Сам же я на тот момент даже и не знал, что предпринять: с одной стороны я почти два месяца готовился к этому и мечтал добиться своего, вызнать личность Тенетникова и узнать от чего берутся трупы в Фонтанке; с другой стороны я никогда не курил опия и не знал – стоит ли делать это или нет, поскольку, быть может, самая смерть потребителя заключалась именно в курении опия?

Я очень боялся и переживал, что стану одним из утопленников, но в данной ситуации было бы очень подозрительно и вероломно отказаться от него теперь же, ибо, отказавшись, я бы дал повод Льву Борисовичу усомниться в моей клятве; а вдруг бы он решил, что я подослан жандармами и теперь сдам им все его заведение? А если я не смогу выбраться из этого здания и страшный страж схватит меня? Ведь сейчас же ночь, все нормальные люди спят, а не шляются по курильням, тем более запрещенным.

Все эти мысли одолевали меня и я не знал, что предпринять. В конце концов я решил, что лучше не рисковать и опробовать этот запретный опий, ведь от одного раза что плохого может быть? Вон, к примеру, по одному из тех потребителей, что сидел подле самой печи, было видно, что он здесь уже далеко не первый раз. Так чем же я хуже?

Но вскоре Тенетников сбил все мои размышления: он подвел меня к одному из свободных мест на стульях, усадил меня и, с плутовской улыбкой и горящими глазами, обведши взглядом весь этот сброд и помещение, величаво и грациозно сказал мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.